

Александр Апраксин

Ловкачи

Александр Апраксин
Ловкачи

«Public Domain»

1897

Апраксин А. Д.

Ловкачи / А. Д. Апраксин — «Public Domain», 1897

«Был девятый час утра. К подъезду большого меблированного дома, расположившегося на одной из центральных улиц Москвы, подошел человек средних лет, одетый плоховато. В особенности пообтерся его котелок, совершенно выцветший местами и даже побуревший...»

Содержание

I. Два плута	5
II. Хитрец	10
III. Справки	15
IV. Предостережение	20
V. Опасное положение	25
VI. План Пузырева	29
VII. Кто ловче?	34
VIII. Другой лагерь	38
IX. Планы Савелова	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Александр Дмитриевич Апраксин

Ловкачи

І. Два плута

Был девятый час утра.

К подъезду большого меблированного дома, расположившегося на одной из центральных улиц Москвы, подошел человек средних лет, одетый плоховато.

В особенности пообтерся его котелок, совершенно выцветший местами и даже побуревший.

Пальтишко еще туда-сюда, казалось сносным и было, видимо, когда-то щегольским. Но обувь давно не чистилась, а низ брюк, в особенности на задках, совершенно обшуркался до бахромок.

Тем не менее господин этот самоуверенно, если не прямо-таки гордо, спросил швейцара, подметавшего лестницу и сени:

– У вас стоит Хмуров?

– Иван Александрович?

– Да, Иван Александрович Хмуров, прибывший с месяц тому назад из Петербурга.

– В четырнадцатом номере-с. Только они еще спят, – добавил раздумчиво швейцар, едва ранний посетитель сделал шаг по направлению к лестнице.

– Ну, для меня встанет, – ответил тот еще более самоуверенно.

– Галоши снять потрудитесь, – попросил его швейцар.

– Я без галош, – ответил он и пошел наверх. Потом, с площадки, он еще крикнул вопросительно:

– Где? Куда идти?

– Бельэтаж, направо, третья дверь.

Швейцар мысленно прозвал раннего посетителя «шантрапой» и был втайне уверен, что столь важный постоялец, как Иван Александрович Хмуров, не только через порог к себе в номер его не пустит, но с достойным внушением сейчас же с лестницы обратно спроводит.

Но швейцар ошибся в своих смелых догадках.

Гость постучался, правда, и раз, и два, и три, но добился-таки своего. Когда наконец изнутри помещения откликнулись: «Кто там?» – он громко ответил на «ты»:

– Отворяй, брат, свой пришел, Пузырев Илья Максимович.

Послышался шорох, потом затопали быстрые шаги, и щелкнул замок.

Пузырев вошел.

В двух шагах от двери стоял хозяин комнаты, одних с ним средних лет, но выше ростом и даже теперь, халате, наскоро накинутом на плечи, смотрящий молодцевато и красавцем. Однако лицо его выражало более нежели удивление и беспокойство: на нем отражалась тревога, как-то странно сочетавшаяся с наружной, привычною молодцеватостью Хмурова.

Но Пузырев если и подметил в нем эту тревогу, тотчас же, при первом взгляде на него, не придавал ей никакого значения, быть может потому, что ничего иного, вероятно, и не ждал. Он сказал только:

– Что, удивил я тебя внезапностью моего визита? Извини...

– Признаюсь, да. К тому же такой ранний час... Я поздно вернулся...

– Очень жаль, – отвечал Пузырев с невозмутимым спокойствием и проследовал из маленькой, отгороженной передней далее, в подобие гостиной, где он сел.

Хмуров опустился на придвинутый к стене большой дорожный сундук. Пузырев продолжал тоном невозмутимого сознания своего права:

– Прийти к такому барину, как ты, позже было бы делом рискованным. Тебя, вероятно, застать только и возможно, что раненько утром.

– Ну нет, я иногда...

– Дело не в том, дружище, – перебил его Илья Максимович, – а раз я пришел, раз я тебя разыскал и застал одного, нам необходимо и потолковать с глазу на глаз...

– Да я ничего против не имею, – нехотя протянул Иван Александрович, только таким тоном, который ясно выражал совершенно противоположное. – Я даже сам с тобою все хотел повидаться или, по крайней мере, написать тебе... Только сегодня я ужасно устал, провел бессонную ночь и расстроен еще к тому... Нельзя ли, брат, Илья Максимович, отложить? До завтра бы нашу беседу отложить, право? А завтра я весь к твоим услугам.

Пузырев смотрел на него и улыбался. Он теперь не прерывал его, но ирония его улыбки говорила Хмурову ясно, что от него ему не отделаться. После краткого, хотя и довольно тягостного для него молчания он решился наконец сказать:

– Ты мне писал, но в такое время, когда я, ей-Богу, ничего не мог сделать. Я только что приехал в Москву, не успел еще оправиться от петербургского погрома...

– Знаю, знаю, – ответил с растяжкой Пузырев и бесцеремонно развалился в мягком кресле. – Я в данном случае не в тебя, Иван Александрович, и, сколько мог, никогда не терял тебя из виду.

Хмуров слегка побледнел.

– Да, – продолжал столь же нахально его гость, – я привык следить за участью моих друзей, и я всегда знаю, когда дела их идут на понижение и когда, наоборот, на повышение, как, например, в последние дни у тебя...

– У меня? Какой вздор!

– Стой! Подожди! Ты мне, Иван Александрович, прежде всего не лги.

– Я и не думаю лгать...

– А если у меня есть доказательства? – спросил, упорно смотря ему прямо в глаза, Пузырев. – Что ты тогда скажешь?

– Позволь, пожалуйста! Дай мне свободно договорить, выслушай меня не перебивая, и ты сам все поймешь.

– Говори, хотя, откровенно тебе признаюсь, я и так все знаю.

– Прекрасно, если знаешь! Тем лучше и для тебя, и для меня самого. Да, я действительно не скрою, что на этой неделе мне посчастливилось и я сделал небольшое, пустяковое дело, благодаря которому я действительно слегка оправился, но и только, а отсюда до полной поправки, до возможности делиться с другими и, как ты этого требуешь, дать другому тоже возможность снова встать на ноги, – еще очень далеко. Я ведь знаю, что ты от меня хочешь. Будь вопрос в каких-нибудь десяти, пятнадцати рублях, я не стал бы и спорить, я бы даже последнее заложил или продал, чтобы выручить товарища, но тебе ведь куш целый нужен, тебе сейчас сотни выложи да подай.

– Хорошо, ты кончил? – спросил его с презрительным спокойствием Пузырев.

– Разве я не правду говорю?

– Конечно, – ответил Илья Максимович, меняя вдруг спокойный тон на строгий и даже откинувшись от стенки кресла, где, казалось, он так удобно расположился. – Ты лжешь, и мне нетрудно будет тебе это доказать.

Если даже теперь он и сердился, то сдерживаясь, все-таки голоса не возвышал, а, напротив, точно опасаясь, как бы их не подслушали, говорил чуть ли не шепотом.

– Начать с того, что, отмеривая самому себе бессовестно широко, ты почему-то считаешь более справедливым, чтобы я довольствовался от тебя нищенскими подачками, точно в самом деле права наши, если уж на то пошло, не должны быть во всем совершенно равны.

Хмуров при этих словах невольно улыбнулся. Пузырев не преминул подметить улыбку и продолжал:

– Напрасно смеешься, брат Иван Александрович, и как бы тебе не пришлось, с утра посмеявшись, наплакаться к вечеру.

– Что это, угроза?

– Понимай как хочешь, но я еще не все сказал. В деле нашем мы с тобой были равны, пусть же и участи наши сравняются во всем. Ты считаешь для себя слегка оправиться – жить в бельэтаже первоклассных меблированных комнат, быть одетым чуть ли не у Жоржа, завтракать в «Славянском базаре», обедать в «Эрмитаже» и ужинать в «Стрельне» или у «Яра» да ездить на рысках от Ечкина, так почему же ты думаешь, что для меня достаточно десяти, пятнадцати рублей?

– Во-первых, я этого совсем не думаю, – нетерпеливо ответил Хмуров.

– А во-вторых?

– А во-вторых, неужели же тебе не ясно, что все это: и завтрак в «Славянском базаре», и обед в «Эрмитаже», и ужин у «Яра» или в «Стрельне», и, наконец, роскошный выезд от Ечкина – мне нужно потому, что только при такой обстановке я на хорошее дело могу навернуться...

– Ну да, конечно. Как тебя не понять, – снова усмехнулся Пузырев с обычной ему насмешкою. – Все это тебе необходимо для приискания денег, а деньги, раз они найдены, тебе нужны для продолжения жизни в той же обстановке. Остроумный вывод.

Но Хмуров начинал сердиться.

– Который принадлежит тебе одному, – сказал он, – и ты же один им и восхищаешься. Завидное самодовольство, все, что могу на это сказать!

– Ну а я скажу тебе в таком случае совсем иное. Слушай меня внимательно и знай вперед, что я ни на какие уступки на этот раз не пойду.

– Опять угроза?

– Зачем? Простое требование...

– Основанное на чем? Позвольте, пожалуйста, узнать.

– На моих равных с тобою компанейских правах по некоторым особенным делам, напоминая которые друг другу, я полагаю, нам нет особенной надобности. Требование это заключается в немедленной выдаче мне тысячи рублей, обманным образом мне недоданных при известных тебе обстоятельствах.

– Но если у меня их нет?! – горячо воскликнул Хмуров и, вспыхнув, даже встал с сундука, на котором сидел.

– Неправда. Они у тебя есть, они должны у тебя быть, а если бы даже их и не было, то кричать об этом так, чтобы в коридоре было слышно, во всяком случае, не благоразумно.

– Это черт знает что такое!

– Совершенно с тобою согласен и скажу тебе даже: всякие подобные недоразумения между нами необходимо раз навсегда прекратить. Выдай мне причитающуюся давным-давно тысячу рублей, и заживем по-старому – добрыми друзьями.

– Но откуда ты взял!

– Что? Что такое? То, что ты можешь в данную минуту уплатить мне старый долг? Это тебя интересует? Изволь. Ты купил вчера у часовщика на углу золотые гладкие часы. Я видел тебя, когда ты выходил от него. Из любопытства я зашел и заговорил о тебе, сказав, что знаю тебя, да от слова к другому и выведал, что мне было нужно. Часовщик мне наивно разболтал, что при тебе денег много, одних сотенных тысячи на три. Вот и причина моего раннего визита.

– Часовщик мог и напутать.

– Цели никакой нет. Да, впрочем, чего же проще? Потрудись показать свой бумажник, вон он, я вижу, из-за драпировки у тебя на кровати из-под подушки торчит.

– Ты, кажется, уж и на обыск готов? – спросил как бы шутя Хмуров, но сам от мысли этой разом покраснел.

– Нет, – ответил Пузырев и снова прислонился к спинке своего кресла. – Я прежде всего враг скандалов, а обыск, в особенности насильственный, мог бы вызвать с твоей стороны сопротивление и шум. Но я предпочитаю избрать иную меру: я не уйду из этой комнаты, пока не получу от тебя полного удовлетворения. Если нужно будет, я останусь здесь ночевать и даже отдам свой вид в прописку...

– Ну, хочешь сто рублей?

– Почему ж и нет! Давай сто рублей, останется за тобою девятьсот.

Недоверчиво оглядываясь, Хмуров пошел за драпировку, пошуршал там чем-то и вернулся с развернутым радужным кредитным билетом в руке. Протягивая его Пузыреву, он сказал:

– Себя граблю, чтобы только тебе помочь. Вот бери.

– Спасибо.

Он спрятал бумажку в карман, предварительно аккуратно сложив ее вчетверо, и потом, принимая снова свою прежнюю позу, полную спокойствия, сказал:

– Только ты, Иван Александрович, себе положительно лишний труд сам составляешь.

– Почему это?

– А потому что вместо одного раза, таким-то путем, придется ведь целых десять за драпировку удаляться.

Приятели смотрели друг на друга в упор, прямо в глаза. Оба они точно измеряли силы другого, и нехорошие искорки сверкали в их зрачках.

– Ты шутишь? – спросил наконец Хмуров. – Я дал тебе все, что мог.

– И не думаю шутить...

– Так на же, смотри, коли так! – вспыхнул снова Иван Александрович и, кинувшись за драпировку, принес оттуда весь свой объемистый бумажник.

– На же, ищи! – кричал он в бешенстве, развертывая его перед глазами гостя, так что оттуда из разных его отделений насыпались и деньги, мелкими кредитками, и карточки, и письма.

В удивлении смотрел на эту сцену Пузырев и только повторял:

– Успокойся, не кричи, могут в коридоре или рядом услышать, нехорошо. Да успокойся же, довольно. Я тебе верю.

– Вот то-то же и есть, теперь веришь, – говорил вслед за ним Хмуров, волнуясь. – А когда говорят тебе, так какого-то часовщика приплетать стал. Я действительно несколько несчастных сотенных так скомкал, чтобы он их за тысячи принял; но ведь я везде расплатился: здесь отдал долг, да еще вперед внес, за лошадей заплатил, туда-сюда, и вот осталось сто восемьдесят рублей. Тебе сто, а себе мелочь одну оставляю...

– Жаль, – сказал Пузырев, вставая, – а ведь я к тебе по хорошему делу пришел: сразу куш здоровый можно зачерпнуть, тысяч эдак по тридцати на брата...

Выражение лица Хмурова снова изменилось. Он спросил:

– Ты не балаганишь?

– Какой тут балаган! Дело блестящее и не подлежащее никакому сомнению. Но, конечно, прежде всего на него деньги потребуются, а раз у тебя их нет, и говорить не стоит.

Хмуров соображал. Словно спохватившись, взял он приятеля за руку и, притягивая снова к покинутому креслу, сказал:

– Чудак же ты, право! Ну, допустим, сейчас у меня денег нет, но я попал теперь на такую линию, что могу их достать. Садись и расскажи, в чем суть? У тебя всегда бывали блестящие идеи.

– Спасибо за комплимент. Он приходится мне тем более кстати, что доказывает, какое ты доверие питаешь к моим умственным способностям. И чтобы тебе доказать, насколько я и в самом деле смышлен, я скажу тебе вот что: дело, мною придуманное, во всех отношениях непогрешимо; через месяц, много два, мы с тобою положим чистоганчиком по тридцати, а может быть, и более тысяч в карман и укатим за границу; но нужно для этого именно около двух тысяч на расходы, то есть тебе тысячу и мне столько же. Раздобудься деньгами, и тогда прошу покорно на совет, – но одно еще помни: в моем предприятии каждый день дорог.

Он замолчал и пытливо смотрел на Хмурова, выражение глаз которого ясно говорило, что и ему хочется проникнуть в тайники мысли товарища.

– Но какого же рода твое дело и в чем гарантии на успех?

– Сперва денежки, то есть главным образом сперва мои деньги. Довольно того, что я раз тебе на слово поверил и слова своего ты тогда не сдержал. Снова в обиду я тебе не дам. Помни, что дело мое так же верно, как то, что мы с тобою уже не впервые видимся. Если через три дня, то есть в четверг утром, ты мне не вернешь остальных девятисот рублей, то я могу тебе кое-где попортить, во-первых, а во-вторых, я найду себе другого компаньона.

С этими словами Пузырев встал, протянул на прощанье товарищу руку и вышел. Хмуров хотел было задержать его, но почему-то раздумал. Ему казалось, что Пузырев только хвастал.

Он вернулся к себе за перегородку и, достав из-под тюфяка, у изголовья постели, почтенных размеров пачку сторублевых, любовался ею и с наслаждением вслушивался в шелест этих радужных листов.

Пузырев же решил, еще до ухода своего, учредить за приятелем строжайший надзор.

II. Хитрец

Илья Максимович Пузырев, удаляясь, бросил на стол лоскуток бумаги с обозначением своего адреса. Он прошел мимо швейцара с тем же гордым видом полнейшего сознания своей независимости, с каковым не более часу до этого сюда вошел. Но, невзирая на обладание сто-рублевым кредитным билетом, он не взял извозчика, а направился домой пешком, ворча про себя свои соображения относительно только что сделанного визита.

«Бьюсь об заклад, что врет! – думал он относительно клятв Хмурова, будто бы он теперь сам остается с восьмьюдесятью рублями. – Но если врет, то погоди же. Во всяком случае, от моего бдительного ока ты не скроешься. Нет, не на того попал. Шалишь, мальчик! Еще на свет тот не родился, кому бы удалось безнаказанно провести Ильюшу Пузырева».

Он шагал мерно, спокойно, точно разгуливая, и вскоре свернул в один из ближайших переулков.

Он вошел в калитку и очутился на обширном дворе, среди нескольких отдельных деревянных построек. То были все флигеля-особнячки с мезонинчиками и отдельными садиками. Только вид их казался захудалым, предвещаая скорое разрушение, если только домовладелец не позаботится о многостороннем и необходимом ремонте.

Пузырев прошел в самую глубь двора и поднялся на вышку последнего, наиболее отдаленного флигелька. Там он сперва постучался в дверь, снаружи обитую рогожею, и не позвонил по простой причине: звонка тут совсем и не было.

Вышка была разгорожена на целых три комнаты. Но Боже, что за комнаты! С низкими потолками, придавливающими их с тем большею угрозою, что от ветхости они совсем покосились на сторону, и оставалось только удивляться, что в переулке, прилегающем к большой центральной улице Москвы, гордящейся своим громким прозвищем «Белокаменной», могли еще встречаться в наши просвещенные времена подобные лачуги.

Да, но Пузырев уже ничему не удивлялся, а, видимо, чувствовал себя здесь своим человеком.

Какой-то старой женщине, возившейся около почернелой русской печки в первой каморке, при самом входе, он только кивнул в знак приветствия и прошел далее. В следующей клетушке, за ситцевыми полинялыми занавесками, одиноко стояла старая деревянная кровать. Наконец, в последней комнатке, куда вошел Пузырев, их было две: одна пустая, а в другой лежал человек, исхудалый, изнуренный и, без сомнения, в последней степени чахотки.

Большие черные глаза его, напоминавшие угольки, вспыхнули в глубине темных орбит, когда Пузырев вошел, и устремились на него с выражением огромного нетерпения, можно было бы даже подумать – боязливой надежды.

– Опять волнуетесь, – сказал ему Пузырев, прочтя это выражение при первом, беглом взгляде на него. – Успокойтесь, Григорий Павлович, первый шаг к успеху сделан, и не пройдет десяти дней, как обещание мое будет исполнено в точности.

– Неужели? – слабо проговорил больной, и, следя за направлением шагов Пузырева, подошедшего к окошку, чтобы сесть на свое привычное место, он сделал неимоверное усилие и обернулся всем телом в ту сторону.

Пузырев сел, достал папиросу, закурил и тогда уж, раза два жадно затянувшись, заговорил:

– А вы лежите смирно да слушайте, Григорий Павлович. То лицо, о котором я вам рассказывал, Иван Александрович Хмуров, на которого я для вас возлагал такие большие надежды, теперь наконец приехал, и я сейчас виделся с ним.

– Вы с ним виделись, стало быть, говорили? Ну что? Как он отнесся?

– Конечно, так, как я и ожидал...

– Неужели же есть еще люди, которых не испортило богатство?! – воскликнул в сильном волнении больной.

– Как сейчас увидите, дорогой мой, есть, – спокойно отвечал Илья Максимович. – Иван Александрович Хмуров во всех отношениях замечательная личность. Надо вам сказать, что я помню его еще в бедности, то есть до получения им миллионного наследства...

– Как же, как же, вы говорили.

– Да и миллион ему несколько голову не вскружил, – продолжал лгать, преследуя свой личный, давно задуманный план, Пузырев. – Напротив, он стал относиться к жизни куда серьезнее прежнего. Заметьте притом, что Иван Александрович – красавец, здоровьем похвастаться может, силен и не стар, а в самом цвете лет – ему едва тридцать пять стукнуло, – все женщины по нем бы с ума сходили, а он нет, ведет жизнь скромную и всецело посвятил себя служению нуждам страждущего человечества.

– Сколько горя он может облегчить! Сколько истинного счастья он сам от этого должен испытать!

– А как бы вы думали? – подхватил Пузырев тоном такой искренности, что можно было подумать, будто бы сам всю жизнь только и мечтал о помощи ближнему.

– Но расскажите ж мне подробно, как вы пришли, как он вас встретил, что сказал? Словом, все, от начала до конца, – интересовался больной.

Пузырев потушил докуренную папиросу и сказал:

– Я знал его давнишнюю привычку трезвого, делового человека вставать рано, не позже восьми. И я не ошибся. Он встретил меня свежий, бодрый, уже с добрый час на ногах. Ну, конечно, он страшно мне обрадовался, мы по-приятельски, даже дружески, обнялись. Он засыпал меня упреками, что я не давал о себе знать за целых два года; расспрашивал о моей жизни, говорил, что всюду меня разыскивал. Подметив кое-какой изъянец в моем туалете, он стал еще более настойчивым в своих расспросах, но тут я ему категорически ответил, что сам я ни в чем решительно не нуждаюсь и что не шел к нему ранее именно из опасения, как бы он не вздумал насильно мне оказывать помощь, когда я еще здоров и могу работать. Наконец наступил момент, которым я мог воспользоваться, чтобы заговорить с ним о главной цели моего посещения.

– Да? Ну и что же?

– Я ему рассказал всю вашу историю, вашу печальную, но глубоко поучительную историю. Я передал ему в подробностях, как и при каких обстоятельствах мы с вами познакомились, а потом сблизились и до того дружески сошлись, что живем в одной конуре. Словом, я открыл ему ваше положение, ничего не утаивая, и когда он спросил меня, безнадежно ли вы больны...

Григорий Павлович побледнел. Сквозь посиневшие губы он со страхом спросил:

– Тогда?

– Тогда, конечно, я ему сказал всю правду, что вы больны серьезно, но что есть еще время вас вернуть к жизни и к полезной деятельности, что доктор только требует вашей немедленной отправки на юг, в Крым, дабы вы ушли от опасной в вашем положении осени.

– И что же?

– Что мог мне на это ответить человек, который в жизни ищет только добра?! – воскликнул Пузырев. – Он обрадовался моей просьбе, как бы другой был осчастливлен ста тысячами. Но он мне вот что сказал: дай мне еще дней десять сроку; я, говорит, приехал в Москву по делу целого семейства, и долг мой довести это дело до конца; при этом, говорит, прошу тебя, следи за тем, чтобы твой друг пока ни в чем не нуждался... И он снабдил меня кое-какими деньгами, и мы начнем с того, что купим вам винограду, который в вашем положении так полезен.

Больной не был в силах говорить. Волнение и чувство беспредельной благодарности до такой степени переполняли его грудь, что он в изнеможении опустил на подушки.

– Успокойтесь, – сказал ему Пузырев. – Я счел только нужным прямо от Хмурова прийти сообщить вам результаты моих хлопот. Могу вам поручиться, что не позже как через две недели, а, вернее, именно дней через десять мы с вами вдвоем поедem в благодатные страны, где солнце греет не только осенью, а и зимой.

– Благодарю вас, благодарю...

– Пожалуйста, только не волнуйтесь, а берегите себя. Помните вашу цель: остаться живым и тогда отомстить коварным изменникам. А теперь я пойду, у меня есть еще дельце. Я вам пришлю то, что в вашем положении и полезно, и приятно, а тут, пока меня не будет, Марфа Кондратьевна вам поможет...

Он вышел, шепнул по пути старушке, квартирной хозяйке, чтобы она присмотрела за больным.

Ему предстояло еще немало дела, но прежде всего он занялся Григорием Павловичем и сделал нужные для него покупки.

«Надежда, – говорил он самому себе дорогого, – придает жизни даже чахоточному. Теперь я его ободрил, и мы еще можем отыграть проигранное из-за упрямства Ваньки Хмурова время. Ах, если бы я только узнал, соврал он мне или нет. Но я его подстерегу. От меня не уйдет! Не на того напал. К тому же дела делать мне все-таки легче с ним как со старым, уже бывавшим в бою товарищем, нежели с кем новым. Да и где, скоро ли нового-то сыщешь? У кого из нашей братии так вот сейчас и найдется тысячи две-три под рукою на ведение даже вернейшего дела?»

Он задумался глубже над этими последними словами, взвешивая все шансы, но пришел от этого только к еще более стойкой уверенности, что сорваться его дело не может.

Оно требовало только строгой, серьезной выдержки, да и то не особенно продолжительной. И, успокоенный на этот счет, едва поспев с покупками для больного, которого за глаза и мысленно он называл коротко, по фамилии, Страстиным, Пузырев предался другому плану.

Он решил проследить за Хмуровым и сейчас принялся за это с ловкостью, которой позабавовал бы самый опытный полицейский агент.

Еще утром, при посещении своем Хмурова, он подметил как раз против подъезда номеров рестораничик ниже среднего разряда.

Ничем не гнушаясь, он туда именно и направил свои стопы.

Избрав себе местечко в уголку, у самого окошка, но подальше от других посетителей, Пузырев потребовал сперва чайку и пустился в беседу с половым.

Малый оказался глуповатым, правда, но ретиво желающим услужить новому посетителю.

Между ними завязался довольно странный разговор, к тому же еще прерываемый постоянными паузами.

– Давно здесь служишь? – спрашивал Илья Максимович, попивая чай с блюда и как бы так только болтая от нечего делать.

– С основания-с этого самого заведения-с, сударь.

– Когда же, в котором году, ресторан открылся?

– Лет не много будет-с, потому еще году нет-с, не исполнилось...

– Году нет, а уже все пообтерлось, ведь заведение имеет такой вид, как будто бы лет десять не ремонтировали.

– Это точно-с, – ответил, почему-то повеселев, половой и, усмехаясь, обвел плазами всю залу с ее низеньким закоптелым потолком.

– Почему же это?

– Да кто его знает, сударь, – переменил он вдруг тон на более печальный и совершенно неожиданно вздохнул: – Надо так полагать, что от торговли.

– От торговли? – переспросил Пузырев, снова наливая себе чаю.

– Не иначе-с.

- А большая у вас торговля?
- Ничего-с, хозяин не жалуется.
- Помолчав немного, половой переступил с ноги на ногу и сказал:
- Опять, публика-с.
- Что такое публика? – удивился, не совсем его понимая, Пузырев.
- А то, например, какая куда публика повадится ходить.
- К вам какая же больше ходит?

Половой быстро вскинул в сторону глазами, точно опасаясь, не подслушивает ли его кто, и, снова вздохнув, сказал:

- Уж обыкновенно не то, что в «Ермитаж». (Он произносил это слово на букву *Е*, видимо не признавая оборотного *Э*.)
- Что же, пожиже будет?
- Пожиже-с.
- Мелкие торговцы, что ли, больше ходят да сидельцы?
- Конечно, бывает-с.
- И лакеи тоже, то есть номерные, да коридорные из гостиниц?
- Бывают и они-с, потому тут кругом все заведения большие-с. Опять, насупротив нас, изводите знать, номера-то в славе считаются...
- И оттуда ходят?
- Оттуда более всего-с.

Пузырев приближался к цели, но в качестве опытного охотника он выдержал и точно стойку сделал, прежде нежели сказать: «Пли!» Он медленно налил себе третью чашку, перелил половину из нее на блюдечко, подул, добросовестно выпил и тогда только спросил:

- А можешь ты мне службу сослужить? Я уж, так и быть, двугривенного не пожалею.
- Сколько угодно-с. Наше дело простое-с: что гость прикажет, то и подам.
- Нет, пока мне еще подавать ничего не нужно будет. А ты вот слетай-ка напротив в номера да пригласи мне сюда коридорного из второго этажа направо...
- Матвея Герасимова?
- Так ты его знаешь?
- Как не знать, помилуйте-с, – обрадовался половой. – Вот и из номерных, можно сказать, а не хуже другого господина обращение имеет и что насчет заказа любят, чтобы все за первый сорт.
- Но тот ли это?
- Помилуйте-с! Бельэтаж направо-с, так ведь изволите говорить? Так опричь Матвея Герасимова кому же там и служить-с? Мы доподлинно знаем-с, – отозвался половой каким-то обиженным голосом.

– Ну так вот, махни сейчас туда и скажи: вас, мол, по делу у нас в ресторане с угощением дожидаются. Понимаешь? Так и скажи: с угощением дожидаются.

- Слушаю-е.
- А он что более всего предпочитает? – остановил полового Пузырев.
- Им теперь разве только отлучиться будет мудрено, потому время самое горячее об эту пору по ихней должности, – словоохотливо разъяснил малый, – а то большие они любители до английской горькой, рюмочку или две, не больше, потом расстегайчик да жидкую польскую селяночку из разной рыбки и опосля того парочку пива рижского, вальшлесхен прозывается.
- Вот ты так и скажи ему: вас, мол, Матвей Герасимов, в ресторане сейчас гость дожидается, по делу, по важному, и обед заказан, а вы пока что за себя кого поставьте, ибо гость за беспокойствие вам, опричь угощения, еще три рубля наличными деньгами передать желает. Понял?
- Понял-с.

– Ну, беги.

– Я мигом.

И в самом деле Пузырев в окно видел, как сперва туда, а потом обратно через улицу бежал услужливый половой, сверкая на солнце белизною своего трактирного костюма.

– Ну, что? – спросил он его, едва он успел вернуться.

– Сейчас будут-с, – радостно и запыхавшись ответил парень.

III. Справки

- Закусочку прикажете приготовить? – спросил половой все так же радостно.
- Закусочку? Что ж, пожалуй.
- Икорки или балычка позволите? Семга имеется высшего качества.
- Ты вот что, – сообразил Пузырев, – подай водочки двух сортов. Ты говоришь, он любит английскую горькую, так английской горькой на стол поставь да мне хорошей очищенной...
- Смирнова или Попова позволите?
- Все равно. Слушай дальше: полпорции икры салфеточной да полпорции балычка осетрового, а затем, едва увидишь, что он вошел, сейчас заказывай по расстегайчику с визигой и рыбой да одну порцию жидкой рыбной селянки.
- По-польски-с?
- Ну да, по-польски. Да к закусочке нельзя ли калачик подогреть? Выбирай только поподжаристей.
- Сию минуточку-с.

Пузырев отклонился от чая и стал посматривать в окно. Вдруг он вспомнил, что приглашенный номерной его не знал, да и сам он, в свою очередь, о нем не имел ни малейшего понятия. Он постучал фарфоровой крышечкой о чайник и, когда половой подбежал, сказал ему:

– А ты следи и, только он покажется, сейчас же сюда его ко мне подводи, потому у меня с ним первое знакомство...

– Понимаю-с.

– Чай можешь, пожалуй, прибрать да приборы и закуску неси.

Но давно был и чай прибран, давно на столе красовались две бутылочки, два сорта закусок, два прибора и рюмочки, а ожидаемый гость не шел. Прошло четверть часа, ничего. Пузырев ожидал терпеливо, хотя голод уже сказывался и икра да балык соблазняли своим аппетитным видом.

Прошло полчаса, и внимание всецело было охвачено вопросом: что же это значит, неужели не придет? – тогда как потребность утоления голода, наряду со столь важною заботой, как-то совсем отошла на второй план. И чем дальше, тем сильнее овладевало им беспокойство.

В сторонке, поближе к входу, волновался за него и половой. Он поминутно наклонялся, чтобы издалека, не сходя со своего поста, поглядывать в окно.

Пузырев намеревался уже подозвать его с целью снова отправить в номер и узнать, придет этот Матвей Герасимов или нет, когда он внезапно был отвлечен другим.

Дверь парадного подъезда меблированного дома широко распахнулась, и на пороге показался швейцар. Он махнул кому-то рукою, и к фронтому подъехал красивый экипаж, коляска, запряженная парой рослых рысаков с подплетенными гривами. Экипажа видеть раньше Пузырев не мог, так как он сидел к нему спиной у трактирного окна.

Какой-то молодой парень в поддевке, из-под которой высматривала треугольником у ворота голубая шерстяная русская рубаша, – должно быть, подручный швейцара, – вынес роскошный светло-серый плюшевый плед и положил его в угол сиденья.

Наконец оба почтительно отступили, и в коляску сел рослый, видный, нарядный господин, в котором Пузырев узнал, конечно, Хмурова.

«Погоди, – подумал он не без затаенной злобы, – я тебя к порядку еще приведу, и если ты теперь так самодовольно улыбаешься, то помни, что мое око не дремлет. Упаси тебя Боже от моей мести, если ты только продолжаешь меня обманывать!...»

Коляска тронулась с места и почти моментально скрылась из виду, а оба швейцара еще долго, улыбаясь, подобострастно смотрели ей вслед.

Не успел Пузырев еще прийти в себя от злобы на преуспевающего коллегу по делам, как приближавшиеся шаги заставили его обернуться.

К его столику приближался человек, которого трудно было бы сразу определить за коридорного, и узнал его Илья Максимович только потому, что половой его сопровождал и снова радостно улыбался во все свое широкое и глуповатое лицо.

– Вы из комнат напротив? – спросил он нового знакомого.

– Да-с, – отвечал тот, выражая некоторое удивление встрече с совершенно чужим человеком.

– Садитесь, пожалуйста.

Тот сел.

– Есть у меня до вас деликатное дельце одно, пока вот я и решился сюда вас пригласить. Откушайте со мною, да, кстати, уж и поговорим, а я насчет беспокойства, если вам там у себя на деле кого пока поставить пришлось, готов ведь и поблагодарить по простоте душевной.

Он старался почему-то говорить особым, а не привычным языком, желая, вероятно, даже тоном речи подладиться к гостю. Но в то же время, как более еще сильный аргумент, он передавал ему уже трешницу, держа ее таким образом, чтобы тот видел, что не какая-нибудь рублевая канарейка.

Удивление, а еще более того любопытство Матвея Герасимова росло, но это отнюдь не помешало ему переместить, с улыбкою признательности, трешницу из руки незнакомца в карман своих панталон. Он только спросил при этом:

– Чем могу сослужить-с?

– Прежде всего об одном вас попрошу, – сказал на это Пузырев, – будьте со мною без малейших стеснений, выпьемте для первого знакомства по рюмке, по другой, закусимте чем Бог послал, а тогда уже займемся делом. Вам время теперь есть?

– Что же, полчаса можно-с.

– Вот и прекрасно. А полчаса ежели не хватит, то и еще четвертиночку захватим. Я, пока вас ждал, уж и насчет горячего распорядился. Вы какую пьете, никак, английскую горькую?

– Угадать изволили-с, – ответил Матвей Герасимов, удивленный не менее прежнего, но считая не бонтоным особенно настаивать, тем более когда, видимо, все меры приняты для приличного его угощения.

– Угадать не угадал, – сказал Пузырев, – но у полового полюбопытствовал о вкусах ваших и, что было мне нужно, от него разведал. Итак, по рюмочке по-звольте-с.

Он налил ему и себе разной и потом, чокнувшись, проговорил:

– Для первого знакомства-с.

– Покорнейше благодарим.

Но как бы ни держал себя просто Пузырев, а Матвей Герасимов чувствовал, что это не свой брат. Он стеснялся, и Илье Максимовичу пришлось настаивать и на второй, и на третьей рюмке, чтобы хоть сколько-нибудь да ободрить его.

Досаднее всего было номерному, что этот странный господин, с виду несколько поотрепанный, но не стесняющийся в расходах, и не думал приступать к сущности дела, а, казалось, был наиболее занят едою.

Пузырев же был совершенно спокоен. Тот, кого ему нужно было, сидит около него рядышком и, конечно, не сбежит, а стало быть, и торопиться особенно нет надобности.

Он расспрашивал его о житье-бытье на этой должности, о доходах, о количестве работы, об отпускных, свободных днях и дотянул таким образом до окончания селянки. Впрочем, и сам-то он сильно проголодался. Все казалось ему особенно вкусным. Еда располагала его к лучшему настроению, и, когда селянка была вся съедена добросовестно, он спросил две бутылки темного рижского пива.

Чокнувшись стаканами и выпив свой залпом, он сказал:

– А я уже начинал опасаться, что вы, пожалуй, и совсем не придете.

– Урваться-то нашему брату не во всякое время можно, – вздохнул Матвей Герасимов.

– Понятное дело, – согласился Пузырев. – Особенно, я полагаю, трудно до обеда, пока уборка идет да многие еще дома из постояльцев.

– Постоялец постояльцу рознь, – ответил коридорный, чувствовавший себя теперь более благодушно и вследствие этого более расположенный к откровенностям.

– Ну еще бы, конечно!

– Бывает и такой постоялец, что ему не то чтобы угодить, а еще, насупротив того, назло всячески стараешься сделать.

– Бывает разве и это?

– Да как не бывать? Помилуйте! Наше дело что? Служащие, и больше ничего. Ну, займет постоялец комнату, и, конечно, с первого раза к нему ты всей душой. И что прикажете-с, и слушаю-с, и сию минуту. Одним словом, все, как быть должно. Чуть даст звонок, сейчас к нему бежишь, а он тебе все рыло ворочает аль-либо еще того хуже: болван, да осел, да холуй, от него иного слова не услышишь. Ну и обида разберет. И больше всего шумит да кричит тот, кто хуже всех на чай дает. Это у нас уж верно примечено. Нет хуже оголтелого постояльца. Его бедность-то раздражает, и все ему кажется, будто к нему, из-за бедности-то этой, недостаточное уважение питают.

Пузырев слегка улыбнулся этой лакейской психологии и удивлялся ее правдивости. Он спросил, однако, для поддержания разговора:

– Другой и богатый выродится такой, я думаю, мучитель, что все жилы вымотает, да в конце концов тоже не грузно от него пообедает?

– Конечно, это само собою, всякие бывают, – согласился Матвей Герасимов и отхлебнул вновь налитого ему пива. – Я вам вот как доложу, – прибавил он погодя, – настоящего господина и при безденежье распознаешь. Дайте же свинье миллион, все равно толку ни для кого не выйдет.

– Ну а сейчас вот у вас в номерах стоит кто из хороших господ? – спросил Пузырев.

Матвей Герасимов посмотрел на него пристально, помолчал и потом сказал:

– Стоит у меня сейчас, в четырнадцатом номере, такой барин, что таких еще не бывало, да и не будет никогда.

У Пузырева сердце учащеннее забилося. Он прекрасно знал, кто стоял в четырнадцатом номере, и тем не менее счел нужным сказать:

– Вот как! Кто же это?

– Иван Александрович, по фамилии Хмуров, – весьма словоохотливо ответил Матвей Герасимов.

– И что же, богатый человек?

– Тут богатство ихнее ни при чем. Да, опять-таки, нет у них никакого богатства, а за доброе их к нашему брату расположение посылает им Господь Бог по великой милости Своей.

– Чем же он занимается?

– Да чем обыкновенно такие господа занимаются? Знакомства разные заводят, по ресторанам, по театрам ездят, опять, в карты сыграют. Все как должно хорошим господам.

– И всегда деньги водятся?

– Ну, всегда не всегда! Бывает так, что и жутко приходится, у нашего же брата номерного по пятерке на обед занимают, только для такого господина ни трудов, ни денег не жалко-с, потому доподлинно известно, что никогда не пропадут.

– Хороший господин?

– Да уж чего лучше-с! Приехал это Иван Александрович с месяц, должно быть, тому назад к нам, прямо из Петербурга, и говорит мне: «Ну, брат Матвей, в Питере-то мне совсем

животики подвело, нет там для нашего брата никаких, говорит, делов. Надо будет посмотреть, говорит, что-то Москва скажет?» Ей-Богу-с, так вот прямо со мною и болтает, не гнушается. Ну, я, знамо дело, ему сейчас в ответ: «Не извольте, мол, Иван Александрович, только унывать, а для вашей милости непочатый угол миллионщиков и миллионщиц у нас припасено!»

– А он что?

– Ничего, смеется, говорит: «Вот миллионщиц, именно миллионщиц мне-то и нужно!»

Хороший господин!

– И что же, подвернулась?

– Цельный месяц бился, нет ему исхода, всем у нас в доме позадолжал. Я, чего тут грех таить, даже часы в кредитку для него снес, потому жалко: вижу, барин совсем без денег сидит. Так вы только-то подумайте: барин-то какой? Принес я ему из кредитки тридцать четыре рубля с мелочью, потому за марку да за один месяц процент вперед удержали, и он мне сейчас же, из моих же денег, три целковых на чай отмахнул.

– А теперь поправился?

– Поправился, совсем поправился! Куш здоровый цапнул и давай всех рассчитывать да на чай раздавать. Даже страшно стало, как это у него денежки летят. Я ноне утром решился было им сказать: «Так и так, мол, Иван Александрович, Москву не удивить, а как бы вашей милости опять без копейки не насидеться».

– Ну, и что же?

– Ничего, смеется да говорит: «На, смотри, тут более трех тысяч, да вчерашнюю барыню видел?...» Я только руками развел, а он эдак по плечу меня прихлопнул и говорит: «Вот то-то же и есть! Мне бы только на линию напасть, а раз я на линии, так ходчее, говорит, курьерского помчаться могу!» Орел, да и только.

Он не замечал, что загадочный незнакомец сильно побледнел, да в эту минуту внимание его было отвлечено роскошною каретою, подкатившею к главному подъезду меблированного дома. В окне экипажа виднелась полная женщина, богато, нарядно, но безвкусно одетая. Матвей Герасимов почти вскрикнул:

– Да вот она и есть!

– Кто она? – переспросил Пузырев, тоже склоняясь к окошку и разглядывая приехавшую.

– Да Ивана-то Александровича Хмурова новая подруга-с.

– Но кто же она?

– Вдова купеческая-с: Зинаида Николаевна Миркова.

– Что же она, за ним, что ли, приехала? – спросил Пузырев.

– Должно, разъехались. Ничего, швейцару приказано, он ее направит. И молодец же, право, молодец Иван Александрович! Какую себе новую банкиршу подцепил.

– Как банкиршу?

– Да очень просто. Теперь денег-то у него сколько хочешь будет. Купчиха-то хорошая, особенно ежели еще вдова, больше, нежели банк, выдержит.

Карета отъехала. Швейцар ей кланялся вслед. Но опомнившийся от всех этих сведений Пузырев сказал:

– А теперь прослушайте-ка, какое у меня до вас дело.

Тот про дело и забыл в пылу своей беседы. Он поклонился с готовностью слушать. Пузырев же просто врал, чтобы только сказать что-нибудь.

– У вас, – сказал он, – должна остановиться одна приезжая из Киева актриса, Раиса Кузьминична Шпорова. Пожалуйста, следите за этим и, не говоря ей ни слова, сообщите мне по этому адресу. Когда я получу верное сведение от вас о ее приезде, я немедленно же вручу вам еще такую же зелененькую бумажоночку. Только дело это надо держать в большом секрете. Могу я на вас положиться?

– Помилуйте-с, слава Богу, не из бабьего персонала, тоже сумеем язык за зубами держать.

Зная вперед, что никакая Раиса Кузьминична Шпорова приехать не может, по той простой причине, что таковой и не существовало, Пузырев, не задумываясь, дал Матвею Герасимову свой настоящий адрес и простился с ним. Затем он рассчитался, добросовестно наградив полового, и, совершенно довольный самим собою, вернулся к себе, в свою общую с больным Страстиным конуру, где он застал его спящим.

«Тем лучше! – подумал Илья Максимович. – Мне надо сейчас же приняться за дело».

Он присел к столу, развернул купленные по дороге почтовую бумагу и конверт и написал письмо.

IV. Предостережение

«Имея несомненные данные тому, – писал Пузырев своему товарищу Хмурову, – что ты меня снова обманул, разыграв сегодня утром со мною самую постыдную комедию, и зная из неопровержимых свидетельских показаний, что за уплатою всех твоих мелких долгишек и других расходов у тебя сегодня, при выезде из дома, оставалось в наличности еще три с лишним тысячи рублей, я сим тебя предупреждаю, что ждать намерен уплаты твоего долга уже не трое, а всего только одни сутки. Чтобы завтра к десяти часам утра у меня была бы пригласительная записка явиться к тебе за получением остальных девятисот рублей. В противном случае, не позже одиннадцати, я сочту необходимым обратиться к Зинаиде Николаевне Мирковой, которая, разумеется, поинтересуется узнать о происхождении этого долга, и я буду вынужден ей все рассказать в мельчайших подробностях для ее дальнейшего руководства в отношениях с тобою. Сам ко мне ни в каком случае приезжать не трудись».

Следовали подпись и адрес.

Письмо было вложено в конверт и немедленно же отправлено с посыльным, при твердом, неоднократном приказании оставить его не у швейцара, а в конторе меблированного дома и взять записку, что-де на имя Ивана Александровича Хмурова такого-то числа, в таком-то часу принят заклеенный конверт от рассыльного, за номером таким-то.

Справив это дело и значительно успокоенный, Пузырев вернулся к себе, так как сознавал потребность в отдыхе.

Между тем Хмуров, ничего не подозревая, был доволен собою уж никак не менее его. Он считал, что сравнительно дешево отделался от Ильи Максимовича, и предавался полному вкушению жизненных благ, в том, по крайней мере, смысле, который находится в прямой зависимости от довольно крупных наличных денег.

Иван Александрович Хмуров принадлежал к разряду тех неунывающих плутов, распознать которых тем труднее, что ими до совершенства усвоены все внешние приемы и замашки людей порядочного общества и вполне обеспеченных.

Иван Александрович Хмуров обладал многими талантами, правда мелкими, если хотите, но в той жизни, к которой он сам стремился и выше которой он уж ровно ничего не признавал, могущими иметь некоторое значение.

У него было много вкуса. Он одевался безукоризненно, никогда не следуя глупо и слепо моде, а соображаясь с тем, что именно из нее подходило к его фигуре или вообще к его наружности.

Он умел так сидеть в коляске, что в позе его замечалось и особое приличие, и в то же время видна была привычка к хорошим экипажам.

Наружного, внешнего достоинства у него была масса.

Иван Александрович так входил в театр или ресторанный зал, что в публике непременно хоть кто-нибудь да спрашивал:

– Кто это?

По уходе от него Пузырева, налюбовавшись на свои денежки, которые он признавал единственною силою в мире, так как на них приобреталось все продажное, а что-либо более возвышенное, идеальное не входило в его искания, – Хмуров снова лег и попробовал заснуть, так как действительно провел утомительную ночь, но нервы расходились и не давали ему спать.

Напротив, чем дольше он лежал, тем сильнее разламывало его, и он решил встать и освежиться.

На звонок его вошел Матвей, с почтительною готовностью, казалось бы, кинуться из окна для своего любимца постояльца.

– Прикажи мне ванную приготовить, – сказал ему Хмуров, потягиваясь и зевая.

– Сию минуту, Иван Александрович. Только как прикажете: погорячее или градусов на двадцать пять, на двадцать шесть?

– Да, на двадцать шесть.

– Раненько встать изволили-с. Всего только десять пробило.

– Разбудили меня, и не понимаю, что у нас швейцар за дурак такой! Пускает спозаранку в номер...

– Ведь вот поди же ты, – выразил свое сокрушение лакей, – кажется, и умный человек, а нет такой догадки, чтобы сказать, что ваша милость и совсем в доме не ночевали.

– Ну, да уж ладно. Я вот буду выезжать, сам ему скажу. А ты поскорее насчет ванны распорядись.

– Слушаю-с.

Затем туалет, особливые заботы о красе ногтей, чтение двух, трех московских газет, в которых он, в сущности, интересовался только происшествиями, театрами и вообще так называемыми легкими или игривыми отделами, – все это заняло время до исхода первого часа.

Он взглянул на только что вчера купленные гладкие золотые часы: они подтвердили мнение желудка, что пора ехать завтракать, и он снова, быть может в десятый раз за это утро, позвонил.

– Узнай, подана ли коляска.

– Готова-с, Иван Александрович, сейчас из соседнего номера сам видел.

Он надел пальто, котелок, взял палку с круглым золотым набалдашником, в середину которого был вставлен сапфир, и медленно, с достоинством изволил спуститься с лестницы. Швейцару он забыл сделать замечание, так как настроение его было столь же радужно, как туго набившиеся в его бумажнике сотенные.

Все тешило и радовало его мелкое самолюбие: сознание уплаченных здесь, в меблированных комнатах, долгов, полученная благодаря этому обстоятельству независимость, сознание возможности позволить себе почти всякую блажь на имеющиеся еще в запасе наличные деньги, раболепное поклонение слуг, хороший экипаж от лучшего во всей Москве и давно каждому известного двора Ечкина, наконец, ясный, безоблачный день.

А день стоял хороший на редкость, в особенности для октября. Солнце светило ярко, чувствовался приятный, бодрящий холодок в воздухе, а ветра не было никакого.

Иван Александрович ласковым словом ответил на все поклоны слуг на лестнице, швейцаров внизу и на заявление кучера: «Здравия желаю-с!»

Он сел в экипаж как-то немного боком, что французы называют *en trois quart*¹, не развалился, накинул на ноги, захватив повыше колен, плед серо-желтого плюша и приказал:

– В «Славянский базар»!

В большом зале стоял шум от говора сотни посетителей и стука приборов о тарелки. Тут были все больше люди деловые, в числе которых огромное большинство отличалось еврейским типом лица. Многие из них были лютеране и англиканцы, и только некоторые оставались в самом деле евреями, будучи сыновьями николаевских солдат. Вся эта галдящая толпа понабегала с окрестных переулков Никольской и Ильинки, с биржи и других гешефтов.

Но у Ивана Александровича за последние дни уже обеспечилось место, к которому ретивый бритый официант никого не подпускал.

И здесь, как дома у себя в номерах, Хмуров успел расположить к себе прислугу. Все почти ему радостно и в то же время подобострастно кланялись, всем он отвечал доброю и веселою улыбкою; каждый из лакеев променял бы на него охотно троих из той массы посетителей, да еще с придачею.

– Никого из наших еще нет? – спросил он Александра, садясь к своему столу.

---

¹ на кончике стула (*фр.*).

– На стороне сидит господин Савелов и полковник, изволили видеть-с?

Хмуров вытянул шею и посмотрел по указанному направлению. Но господа эти его не особенно интересовали, хотя оба и принадлежали к кругу хорошо живущих москвичей. Хмуров знал их за людей серьезных, от которых ему-то уж ни в чем поживы быть не может. Благодаря их положению он считал полезным знакомство с ними, но сближения не искал, да оно бы и не было так легко, ввиду того что и господин Савелов, и указанный полковник сами-то сближались с людьми по особому разбору.

– Ну и пускай их там сидят, – сказал Хмуров, – а я очень есть хочу. Подай карточку.

– Пожалуйста-с, Иван Александрович.

Везде в Москве, да еще по прежним временам, до его пресловутой поездки в Питер, его знали по имени и отчеству.

– Вот что, – заказывал он. – Дай мне на первое омлет с шампиньонами, а на второе крокетки из дичи со спаржею. Вино красное, как всегда, и главное, чтобы все это живо...

– Слушаю-с. Вина бутылку или полубутылочку прикажете?

– Когда же ты мне полубутылками подавал? Только глупости говоришь.

– Виноват-с.

И Александр, как-то пошло ослабившись, кинулся исполнять заказанное.

Хмуров подошел к буфету.

Водку он не любил, но пил ее иногда, как, например, в данную минуту, чтобы закусить за стойкою.

Вдруг кто-то позади взял его за локоть и пожал.

Он оглянулся.

– Ба, Огрызков! – искренно обрадовался он и протянул руку толстому маюдому господину в золотых очках.

– А я водки не пью, – сказал тот, отвечая ему столько же радостным и крепким пожатием. – Меня все доктор пугает ожирением сердца.

– Да и я сам ее терпеть не могу. Ты один?

– Один, и только что ввалился, вижу тебя, ну и подошел.

– Где ты сидишь?

– Нигде еще не сижу; говорю: только что ввалился. Сядем вместе?

– Пожалуйста, я очень рад.

Они перешли к столику, и опытный Александр, едва завидев новое лицо, подбежал за приказаниями.

– Ты что заказал? – спросил Огрызков Хмурова, в то же время пробегая глазами карточку.

– Омлет с шампиньонами и крокетки из дичи со спаржею под белым соусом.

– Ну, брат, крокетка туда-сюда, я против крокетов и сам ничего не имею, но яичницы твоей, да еще с шампиньонами, совсем не желаю. Дай ты мне... Чего бы мне на первое выбрать?... Дай ты мне... Ах, вот что: дай ты мне воль-о-ван а-ля финансьер.

– Ведь туда тоже шампиньоны входят, – поправил толстяка Хмуров.

– Э, брат, это совсем другого рода штука. А пить мы что будем?

– Да я уже заказал. Ступай, Александр, тащи скорее.

– Ну что, как ты вчера? – спросил Огрызков, едва официант удалился.

– Ничего, славно провели время.

– Ты поздно приехал. Где ты раньше был, до двух?

– Где раньше был? – с улыбкою самодовольства спросил Хмуров. – Пока это тайна. Могу одно только сказать: где был, там меня нет, но там я скоро буду.

– Ого! Вот оно что! Ну да чего уж тут? Ладно, ладно, расспрашивать не стану, коли сам не говоришь. Только в Москве, да в нашей компании, долго ничего не скроется.

– А люблю я Москву! – с искренностью в голосе проговорил Хмуров, потянувшись с каким-то сладострастием.

– Чего уж? Лучше города не найдешь.

– Знаешь что? Везде я перебивал и даже подолгу живал, а лучше Москвы, вот убей меня, нет, по мне, города.

– Еще бы!

– Ты одно возьми, Сергей Сергеевич, свобода какая, во всем непринужденность, ширь, веселье...

– Опять, еда, – присовокупил и свое слово толстяк.

– А что ж ты думаешь? Нигде в мире так не едят, как в Москве. Тут на все вкусы найдешь. Тут и тонкую французскую кухню найдешь, и венский стол у Билло получишь, да как еще добросовестно, и наше чисто русское кулинарное искусство процветает. А потом, женщины...

– Тоже всех наций!..

– Да что про заезжих говорить, сами москвички, так эти поклонения достойны... Ага, несут наконец!

Действительно, Александр нес и омлет, и воль-о-ван.

– Вино, вино скорее да аполинарис не забудь, – распоряжался Хмуров.

– Готово-с, даю.

Они принялись за еду.

– Одна беда, – сказал Хмуров, быстро прожевывая и глотая свое. – Денег в Москве много нужно.

– Да где они не нужны-то? – философски отозвался Огрызков.

– Тебе хорошо говорить, – улынулся Иван Александрович. – Ты прожить не можешь. Тебе назначена пожизненная рента, и далее зайти, как бы ты ни увлекался, никоим образом нельзя. А вот наш брат помещик (он любил выдавать себя за помещика, хотя нигде никакого имения, конечно, не имел) с системою залогов и перезалогов в Москве легче, нежели где-либо, может по миру пойти.

Во время перерыва между первым и вторым блюдом Хмуров продолжал развивать все ту же тему.

– Для примера, – говорил он, – возьмем хоть один вчерашний день. Завтрак здесь, обед в «Эрмитаже», мой номер, экипаж – все это я уж не считаю, без этого я обойтись не могу, – а в одной «Стрельне» мы оставили по сорока восьми рублей на брата.

– Да ведь не каждый день! – заметил ему Огрызков. – Ты мне лучше скажи: что ты после завтрака намерен делать?

– Мне ехать надо.

– Куда это? Все туда же?

– То есть как туда?

– Да почему я-то знаю! – засмеялся толстяк. – Разве ты сказывал, где ты вчера был между завтраком и обедом да потом после обеда до двух часов ночи?

Им подали крокетки.

– Любопытство – великий порок, – сказал шутливо Хмуров, – и бывает зачастую наказано.

– Я и не любопытствую, – продолжал, все так же улыбаясь, Огрызков. – Положи-ка мне спаржи, вот так, довольно, спасибо. Мне и любопытствовать, признаться, нечего, когда я и так все знаю.

Хмуров от удивления не донес вилки с куском до рта.

– Что такое? Что ты знаешь?

– Сказать тебе?

– Понятно дело: говори.

– И ты не рассердишься?

– Чего же сердиться! Если правда, скажу: да, правда, действительно верно, если же чушь какая-нибудь, то просто посмеюсь, посмеемся вместе.

– Ты был, – ответил на это Огрызков, тоже приостанавливаясь есть, – и будешь снова сегодня у Зинаиды Николаевны Мирковой...

– Но почему ты знаешь? – воскликнул Иван Александрович.

– Эх, брат, почему все узнается? По простой случайности или по стечению обстоятельств. Кушай, пожалуйста, стынет; да вот вина мне еще налей. Благодарю. Ах, чудак ты эдакий! Где тебе от нас, московских док, такую штуку скрыть! (Хмуров начинал краснеть при мысли: «Неужели же он *все* знает, то есть и о деньгах и остальное?») На Зинаиду-то Николаевну Миркову давно уж у многих до тебя глаза разгорались. За нею, может быть, особый надзор учрежден! И вдруг ты предполагаешь, что так никто из нас ничего и не проведаст.

У Хмурова аппетит весь сразу пропал. «Шутит он или так просто сдуру болтает?» – думалось ему.

– Одно только тебе скажу, – добавил Огрызков, – будь осторожен и держи ухо востро.

– Но почему же?

– Почему? А очень просто. Дай доест, и я тебе мигом все растолкую.

V. Опасное положение

Иван Александрович Хмуров испытывал немалое смущение.

Станным и даже совершенно непонятным ему казалось, что этот добродушнейший толстяк Огрызков, который недавно еще до его поправки ссудил его ста рублями, который, по-видимому, интересовался главным образом упитыванием своей особы, а потом уже всяческими развлечениями, – мог бы вообще-то проникать в какие-либо дела, да еще в столь тайные, как его, Хмурова, расчеты по отношению ко вдове Мирковой.

Ивану Александровичу одно то уже, что успели проведать про его знакомство с нею, было неприятно. Но теперь он опасался, как бы Огрызков не догадался о том, что ему удалось поправиться на ее деньги, а совсем не на присланные будто бы из деревни доходы.

Но поставить прямо вопрос он, конечно, считал невозможным, и приходилось терпеливо выжидать, пока Сергей Сергеевич свои крокетки доест, чтобы от него услышать то, что он сам захочет ему сказать.

– Вот видишь ли, – начал свои объяснения толстяк, – Зинаида Николаевна – кусок для многих лакомый. Она и баба-то красивая...

– То есть более видная, нежели красивая, – перебил его Хмуров.

– Однако тебе понравилась! Но дело не в одной красоте: она богата, и – что еще весьма важно – она независима! Совершенная свобода для женщины богатой – это, во-первых, величайшая по нашим временам редкость, а во-вторых, представляет мужчине, понравившемуся ей, огромные шансы. Только Зинаида Николаевна женщина очень и очень осторожная. Малейшее что ее сейчас же может смутить. К ней уже подбирались многие. Она никого к себе через порог не допускала, а только издали или на так называемой нейтральной почве разглядывала. Она умница, и, во всяком случае еще до окончательного решения, она будет следить за каждым шагом своего избранника. Будь осторожен.

Потом, вдруг обернувшись к официанту, убравшему со стола, Огрызков сказал:

– Давай нам кофе.

Хмуров был в крайнем недоумении. Ему всегда казалось, что Сергей Сергеевич, наравне со всеми в том кружке москвичей, в который ему удалось вновь втереться по возвращении из долгой отлучки, ничего решительного о нем не подозревает и считает его за человека вполне обеспеченного. Пока дела шли плохо, он всячески старался этого компании своей не показывать и, как бы там ни тянулся и ни путался в долгах, закладывая даже часы своего номерного из меблированных комнат, но в обществе всегда платил свою долю за завтраком, обедом и ужином да все время щеголял в роскошном экипаже от Ечкина. Так, мимоходом как-то, ему довелось занять у Огрызкова сотенную, и он уже рассчитался с ним.

В эту минуту ему хотелось еще верить во всякие самообманы, но, с другой стороны, Сергей Сергеевич говорил хотя и вскользь, не затрагивая главного вопроса, а намеками достаточно-таки ясными, и это более всего тревожило Хмурова.

Вдруг еще одна мысль промелькнула у него в голове, и он спросил:

– Но скажи, пожалуйста, как ты узнал о том, что я начал бывать у нее?

– Нет ничего проще. Во флигеле Мирковой живет Савелов. Он тебя видел и сейчас мне рассказывал.

Невольно Хмуров снова вытянул шею и взглянул в ту половину ресторанного зала, где сидели все еще за столиком Савелов и полковник.

Зато, с другой стороны, у него тотчас же отлегло от сердца. Стало быть, Огрызков сам только сейчас, входя в общий зал «Славянского базара» и здороваясь с Савеловым, узнал вскользь о том, что его, Хмурова, стала принимать у себя Зинаида Николаевна Миркова. В

таком случае никаких опасений быть не может и Огрызкову о деньгах мысль и в голову не придет.

Что касается Мирковой, так оно еще во сто раз лучше, если она до его времени была осторожна: не захочет же она себя компрометировать; и дело все обойдется, лишь бы время выиграть.

Он даже повеселел.

– А не выпить ли нам коньячку? – спросил он и на утвердительный кивок головою Огрызкова распорядился.

Приятели сидели за чашечками мокко и закурили по тонкой, ароматичной гаванне. Уже совершенно оправившийся Хмуров самоуверенно говорил:

– Со мною опасаться нечего! Если прекрасная Зинаида Николаевна осторожна, что женщине во всяком случае только может делать честь, то и я не вчера на свет родился, прекраснейшим образом знаю, чего я хочу, куда стремлюсь и как этого достигнуть.

Он потянул из своей сигары, помахал ею слегка и медленно около носа, а потом продолжал:

– Раз не секрет, что я стал бывать у Зинаиды Николаевны в доме, пусть не будет секретом и то, что у меня по отношению к ней самые честные намерения.

– К женщине еще красивой, да с двумя миллионами состояния, – улыбаясь, сказал Огрызков, – я полагаю, каждый охотно пойдет с честными намерениями.

– Ты меня не понял.

– А что же ты хотел сказать?

– Что я готов жениться на ней, что я и не думаю ограничиваться легким флиртом или банальным ухаживанием.

– А другие-то, ты полагаешь, не принесут ей и ее двум миллионам в жертву свою свободу? – спросил шутливо Сергей Сергеевич.

– Какое мне дело до других!

– Да, но им-то, пожалуй, будет дело до тебя!

– Ну, я соперничества не боюсь, – с презрительною усмешкою ответил на это Хмуров. – Лучшее доказательство моего первенства – это то, что я у нее принят, а на днях вы все узнаете еще кое-что другое.

– Желаю, желаю тебе от души! – совершенно искренне воскликнул Огрызков. – И если я тебя предупредил относительно осторожности, то, пожалуйста, не будь на меня в претензии.

Хмуров был готов ответить какою-то любезностью, но к нему подошел один из швейцаров и, склонившись, осторожно доложил:

– Вас, Иван Александрович, спрашивают барыня в карете.

Он слегка побледнел, но привычным движением руки с кольцами на мизинце расправил свои красивые усы и, извинившись перед Огрызковым, вышел.

На ходу швейцар ему доложил в виде пояснения:

– Оне вас просят совсем к ним выйти: пальто и шляпу извольте надеть-с.

Пришлось вернуться, еще раз извиниться, потребовать счет, но Огрызков предложил за все заплатить, с тем чтобы потом, при встрече, сосчитаться.

Станным казалось Хмурову, чтобы женщина, которая прослыла за особу тактичную, осторожную, могла бы приехать за ним в ресторан.

Что бы это означало?..

Он старался убедить себя, что сам никакого промаха не дал и что это просто так, все сейчас пустяком разъяснится, а в то же время было страшно и в мысли пробежал один только вопрос: «Ну а если?»

У подъезда экипажа не было. Он растерянно посмотрел на обе стороны и наконец только увидел ее карету, остановившуюся дальше, у входа в гостиницу, а не в ресторан. В этом уже

замечалась некоторая мера предосторожности, так как мало ли кто из ее знакомых мог здесь жить или проездом остановиться!..

Ускоренным шагом подошел он к карете. Откинувшись в угол, сидела женщина лет за тридцать, несколько полная, красивая и с особенно прекрасными глазами.

Едва увидела она его, как волнение не то радости, не то испуга выразилось на ее лице.

– Что случилось? – в недоумении спросил он, склоняясь совсем головою и плечами через спущенное окно экипажа.

Он вспомнил, что вчера она заезжала к нему, или, вернее, за ним, в его меблированные комнаты. Но то было вечером и почти безопасно. Что привело ее теперь?

Она придвинулась к нему ближе и страстным шепотом сказала:

– Я без тебя жить не могу! Поедем, садись.

«Только-то! – подумал он. – Не стоило тревожиться! Я опасался худшего. Э, женщины, видно, все одинаковы: крепятся, крепятся, а раз втюрятся – и пиши пропало. Им тогда даже весело себя компрометировать!»

– Я сейчас собирался к тебе, – сказал он ей вслух.

– Ты обещал приехать утром! – с укором ответила она.

– Ну да, то есть после завтрака, до обеда, я называю утром два, три часа.

– А я прождала тебя и вся – измучилась! Я сейчас ездила к тебе...

– Крайне неосторожно! Днем! Ты себя компрометируешь.

– Не все ли равно, когда я буду твоею женою? Садись, поедем.

– У меня тут коляска, – ответил он. – Поезжай домой, я через пять минут буду.

– Ты опять где-нибудь задержишься. Поедем вместе.

– Даю тебе честное слово.

– Так сейчас же.

– За тобою вслед.

Он отдал приказание ее кучеру, и карета отъехала.

«Однако, – подумал он, садясь в свою коляску и нарочно, для времени, приказав проехать другою, более дальнею дорогою. – Однако как это у нее любовь-то расходилась? И подумать, что эта женщина пять лет вдовствовала да осторожничала, женихов перебирала, всем отказывала и, быть может, свое счастье упустила. Как все это быстро у нас случилось! Момент, один только момент, которым я ловко сумел воспользоваться, и твори теперь все, что хочешь. Никто во всей Москве не знает, что я давно связан по рукам и ногам. Никому ничего неизвестно о моей глупой женитьбе. А с Зинаидою Николаевной протянуть всегда можно будет. Чем более тянуть стану, тем она более втянется, а когда прочно и несомненно она и на самом-то деле без меня жить уж не будет в состоянии, тогда и без законного супружества ее касса станет моею! До поры до времени только нужно всю осторожность суметь соблюсти!»

Так-то раздумывая, поехал он к ней и сперва заговорил о делах, но она и слушать его не хотела, она отвечала, что в данном случае все предоставила ему, ибо он как мужчина и умнее ее, и в тысячу раз опытнее.

Она только добавила:

– Чего мне твои отчеты слушать? Деньги приютские мне на доброе дело покойным мужем завещаны, и ты их приумножить хочешь, ну и ведай ими как сам знаешь...

Дело было в том, что Хмуров обладал достаточною опытностью, чтобы у Зинаиды Николаевны в долг не просить.

Как тонкий плут, он подобрался к ее деньгам осторожно.

В том, собственно говоря, что он понравился ей, а затем очень скоро окончательно ее влюбил в себя – особенного, пожалуй, ничего еще мудреного не было. Зинаида Николаевна даже созналась ему, что еще года два до этого, то есть в то время, когда он тоже жил в Москве, она видела его в театре, и с первой же встречи вся фигура его, умение себя держать, большие

черные вьющиеся усы – все запечатлелось в ее памяти вследствие глубокого, сильного впечатления. Потом внезапно он куда-то вдруг исчез.

Она горевала, она искала его, она нарочно заводила знакомства, чтобы только собирать о нем справки, но ни от кого ничего толком добиться не могла.

И вдруг он снова появился.

Два года носился его образ в ее воспоминаниях, она была уверена, что потеряла его навсегда, как вдруг случайно, на открытии блюменталевской оперетки, куда она и ехать-то совсем не хотела, она увидела его.

Радость ее была так велика, что она готова была крикнуть ему из своей ложи, чтобы он пришел.

Тут же в театре она нашла знакомых, которые ей его представили.

При таких условиях дальнейшее завоевание уже давно и без того побежденного сердца не требовало особенной ловкости. Все сделалось само собою. Но он, еще не веря в самого себя и в силу своих чар, опасаясь, как бы она не заподозрила его в корысти, притворялся перед нею богатым человеком.

Особой роли вопрос об его состоянии в ее глазах не играл, конечно, хотя, по правде сказать, это ее успокаивало в виде доказательств тому, что она любима им за себя, а не за свои деньги.

Но он был запутан в мелких долгах и, как говорится, висел на волосочке. Он придумал одну рискованную вещь. Частью по свойству своей плутовской натуры, частью же еще не веря в неотразимость своей персоны на Миркову, Иван Александрович предпочел мошеннический способ выманить у нее солидный для его положения куш. Случайно в разговоре узнал он от Зинаиды Николаевны, что покойный муж, между прочим, завещал ей пять тысяч рублей для содержания с процентов от этой суммы маленького приюта в пригородной дачной местности.

– Сколько же душ у вас там питается? – спросил он Миркову.

Она созналась, что приюта собственно никакого еще и не существует, что она давно все собирается этим делом заняться, и, конечно, своих денег приложит, и что пока готовится для приходящих и проходящих мимо бедняков, ежедневный обед там в дворницкой, на даче.

Молнией блеснула у Хмурова в голове мысль воспользоваться случаем.

Он стал ей объяснять, как было бы легко в данное время увеличить этот капиталец биржевыми операциями. В доказательство он уверял ее, будто сам немало выиграл за последнее время. Он называл ей разные акции, бумаги: за брянские уже платят – 520, за золотопромышленные – 470, за торгово-промышленные – 430, международные – 740. Он указывал ей как на блестящий пример – на сормовские.

Она ничего не понимала, так как ее личные капиталы лежали вкладом в конторе Государственного банка, и никакими повышениями и понижениями она не интересовалась, а получала по купонам проценты.

– Дайте мне, и я вам деньги вашего приюта удвою, – предложил он. – Я сделаю это для бедных.

Она охотно вручила ему банковый билет в пять тысяч, доходы с которого шли на столовую в дворницкой, на даче.

Но каждую минуту трепетал он, как бы она не потребовала от него отчета. Пока он находился при ней, нечего было опасаться. Но когда он уезжал, ему все казалось, что вдруг кто-нибудь, из зависти и злобы, ей раскроет на него глаза.

Каково же было его положение, когда, вернувшись домой вечером перед театром, он застал известную записку Пузырева?

VI. План Пузырева

Если бы Иван Александрович Хмуров был в силах понять, какой ему давался в руки клад, то, конечно, он бы повел себя иначе и напряг бы все свои силы, все способности для сохранения его за собою.

Начать с того, что он не давал себе труда понять и оценить женщину, так сильно и доверчиво влюбившуюся в него.

Для него Зинаида Николаевна Миркова являлась только источником более или менее крупных денег, и пока она мечтала о закреплении их будущего счастья скорым законным браком, сам Хмуров ломал себе голову, каким путем выманить у нее настолько солидный куш, чтобы надолго себя вполне обеспечить от нужды и даже каких-либо лишений.

Он сознавал, что поступил опрометчиво, взяв у нее деньги, предназначенные на содержание приюта, но, уверенный в ее любви, он надеялся, что всегда сумеет заставить ее ждать отчета по этому делу.

С другой стороны, однако, Иван Александрович не понимал того, что с любящею женщиною лучший путь правда, и, напротив, давно изолгавшийся на поприще обмана и мошенничества, он в одной только лжи и находил свое спасение.

Зинаида же Николаевна Миркова принадлежала именно к тому разряду чисто русских дивных женских натур, которые умеют прощать любя. Но простить может подобная женщина прошлое человеку в надежде спасти его и привести на иную дорогу, а уж, конечно, не продолжение обмана там, где одною полною откровенностью все могло бы искупиться.

Если бы Хмуров, уверившись в ее любви, ей все бы сказал честно и прямо, если бы он ей открыл и тайну своего супружества да объяснил бы, что со старым, с прежним у него все порвано, то, конечно, Зинаида Николаевна нашла бы сама средства вернуть ему свободу и не отступилась бы от него.

Он же боялся противного.

Он верил только одному, а именно своей теории обмана, и вот почему полученная им в тот же день записка от Ильи Максимовича Пузырева его не на шутку перепугала.

Единственный человек в Москве, которому до мельчайших подробностей было о нем решительно все известно, – это Пузырев, и Пузырев, судя по тону своей записки, отомстит, если ему не отдать требуемой суммы.

Пока Илья Максимович никого не называл, можно еще было с ним бравировать, можно было улыбаться, так как не в полицию же ему идти с доносами о делах, в которых и сам принимал весьма живое участие. Но коль скоро ему удалось проведать, где именно кроется источник улучшения материального положения, – приходится идти на соглашение.

Не долго думая и сознавая себя побежденным, Хмуров послал за Пузыревым и, едва тот явился, запер за ним дверь на ключ.

– Это что же? – спросил, впрочем несколько не смущаясь, Илья Максимович. – Уж не убивать ли ты меня собираешься?

– Не так глуп, – засмеялся Хмуров. – Я просто не хочу, чтобы нам помешали.

Он усадил гостя, сам сел с ним рядышком и вполне дружелюбным тоном заговорил:

– Напрасно ты угрожаешь мне. Надо тебе напомнить, что я принадлежу к разряду тех редких людей, которые в жизни решительно ничего не боятся по той простой причине, что самая смерть им тоже не страшна. Так изволишь ли видеть, милый ты мой и давнишний товарищ, твои угрозы тут ровно ни к чему, и относительно некой Зинаиды Николаевны Мирковой ты тоже не особенно удачно попал, так как я не более не менее как один из ее многочисленнейших знакомых, до частной и интимной жизни которых ей нет решительно никакого дела. Но, с другой стороны, я могу тебя поздравить. Да, тебе просто везет со мною или же мне везет с тобою.

Дело в том, что сегодня утром я дал тебе последнюю мою сотенную, а два часа тому назад я встал из-за стола, где мы составили этакую легонькую «железную дорогу», с таким приличным выигрышем, что я в состоянии с тобою честно и до копейки рассчитаться. На, получай!..

Он выложил перед ним на столе заранее приготовленные девять радужных и продолжал все так же весело и дружелюбно:

– Ты видишь, когда у меня есть, я не заставляю себе напоминать. А насчет madame Мирковой это ты напрасно. Никаких особых или даже просто дружеских отношений у меня с сею дамою нет. И откуда ты только это взял, понять не могу!

– Не все ли тебе равно – откуда? – отозвался наконец Пузырев, прятая деньги в карман и решивший, что коль скоро приятелю угодно еще дальше с ним в прятки играть, то пусть уж так и будет. – Если она тебе чужая, то мне, стало быть, наврала, и бросим об этом толковать. Скажи мне лучше, желаешь ли ты получить на твою долю минимум тридцать тысяч рублей и – помни главное условие – совершенно для тебя лично безопасно?

– Странный вопрос!

– Это не ответ. Отвечай, пожалуйста, точно и вполне определенно. Повторяю еще раз: я говорю с тобою серьезно, и когда ты выслушаешь мой план, то поймешь, что для тебя лично во всем задуманном мною деле опасности нет ровно никакой.

– Интересно знать, в чем суть? – полюбопытствовал Иван Александрович.

– Так слушай же.

Пузырев придвинулся к нему еще ближе и, хотя в номере никого, кроме их обоих, не было, понизил голос и заговорил почти шепотом:

– Имеешь ли ты понятие об операциях страховых обществ на жизнь и смерть страхующихся?

– Кое-что слышал, но особенно никогда не интересовывался, – ответил Хмуров.

– Но тем не менее тебе, конечно, известно, что и я, и ты – мы можем застраховать себя лично в любой сумме и что сумма эта будет уплачена нашим правопреемникам немедленно после нашей смерти?

– Слышал и это, но, признаюсь, не совсем понимаю, что же нам с тобою от всего этого за прибыль, если ни ты, ни я, во-первых, не застрахованы, а во-вторых, ведь и умирать не собираемся? – спросил в полнейшем недоумении Хмуров.

– Ты прав, – сказал все тем же шепотом Илья Максимович, – хотя если хорошенько вникнуть, то была бы и тут возможна весьма выгодная комбинация.

– А например?

– Пять минут тому назад ты утверждал, – продолжал развивать свою идею Пузырев, – будто бы потому ничего решительно в жизни не боишься, что тебе самая смерть не страшна. Если это правда...

– Подтверждаю еще раз, – гордо ответил Хмуров.

– В таком случае, – сказал, улыбаясь, Пузырев, – ничего не может быть проще. Ни ты, ни я, – мы смерти не боимся. И тебе, и мне жизнь без денег скучна и неприглядна. Оба мы застраховываем каждый себя во сто или в двести тысяч, смотря по тому, насколько у нас хватит наличных капиталов для первого обязательного взноса. Затем оба мы пишем на полисе право получения страховой премии в пользу пережившего, и тянем жребий. Кому досталась *смерть*, тот обязан в известный срок лишить себя жизни, а кому вынется *жизнь*, тот получит за товарища премию.

– Ты, кажется, смеешься надо мною? – спросил его Хмуров.

– И не думаю! Ведь ты сейчас говорил, что ничего не боишься?

– Да, но самоубийство... Извини, пожалуйста, у меня на это совсем особые взгляды, и я бы никогда, ни при каких обстоятельствах...

– В самом деле? – переспросил Пузырев. – Ну, брат, если пошло дело на откровенность, то и я никогда бы не решился. Но проект у меня совсем иной, при котором и ты, и я – мы оба не только останемся живы, но и невредимы вполне, да при крупных деньгах.

– То-то же! Я и сам думал, неужели тебе могла подобная чудовищная мысль прийти серьезно в голову?

– Вот видишь ли, в чем дело, – снова понизил Пузырев голос. – Я знаю одного несчастного, чахоточного. Жизнь ему спасти нет никакой возможности, но мы с тобою можем усладить или, так сказать, облегчить его существование за это последнее время, до его неизбежной и весьма даже скорой кончины.

– Ничего не понимаю!

– Так слушай же, а то, конечно, ничего не поймешь. Я со своей стороны совершенно здоров, и любое страховое общество меня примет без затруднения.

– А, вот в чем дело!

– Ну, подожди же! – остановил его Пузырев, желая во что бы то ни стало развить перед ним подробно свой план действий. – Существуют договоры, в силу которых страховое общество обязуется по смерти страхователя, когда бы она ни последовала, уплатить определенную капитальную сумму назначенному в полисе выгодоприобретателю или, за его отсутствием, наследникам страхователя.

– Понимаю.

– Слушай дальше. Этот способ страхования для нас с тобою самый выгодный, по той простой причине, что тариф по нем самый дешевый. Мне тридцать два года. С тысячи рублей приходится платить двадцать шесть рублей с копейками премии в год, да при отказе от участия в прибылях делается еще скидка двенадцати процентов. Таким образом, я вычислил, что за шестьдесят тысяч нам придется внести полугодовую премию в шестьсот девяносто с чем-то рублей. Понимаешь?

– Понимать-то понимаю, да можно бы было и еще в высшей сумме застраховаться! – сказал Хмуров, жадность которого уже пробудилась при одной мысли о возможности скорой наживы.

– Нет, нельзя! – ответил Пузырев. – Нельзя по той простой причине, что нужно время, нужны, стало быть, и еще деньги на жизнь. Теперь слушай дальше, что я еще придумал.

– Говори.

– Я давно метил на тебя, то есть на твое участие в деле, – продолжал Пузырев, – и я только выжидал удобного момента, когда ты где-нибудь раздобудешься деньгами, чтобы со мною рассчитаться за прежнее и свою долю расходов понести в будущем.

– Хорошо, положим, сейчас у меня денег на это хватит, что ж дальше?

– А вот что. Больной, о котором я тебе говорил, думает, что ты миллионер, уделяющий все свои огромные доходы на облегчение страждущего человечества.

– Это зачем же?

– Мне так нужно, – ответил Пузырев, – и ты сейчас поймешь зачем. Сегодня я ему сказал, что ты пока посылаешь на его нужды сто рублей, а теперь я вернусь домой и передам ему, что ты присылал за мною с целью предложить мне увезти его немедленно в Крым, на Южный берег, где еще здоровье его может быть спасено. Ты понимаешь, что мне же надо, едва застраховавшись, немедленно уехать как можно дальше отсюда.

– Но как же ты там все устроишь? – недоумевал Хмуров.

– Предоставь все мне. Твое дело внести деньги по тарифу за полугодие вперед. Полис же я передам тебе с моею бланковой подписью.

– То есть деньги мы внесем пополам! – сказал Хмуров.

– Нет, ты один.

– Это почему же?

– По той простой причине, что мне на мою тысячу рублей хватит и без того расходов.

– Какие же это?

– Как какие? Это мне нравится! А дорога вдвоем с больным в Крым, а жизнь там, а похороны, если он действительно скончается.

Хмуров призадумался.

– Да, – сказал он немного погодя, – конечно, ты прав. Но если там здоровье твоего больного поправится или развязка настолько затянется, что придется вносить и за второе полугодие? Что тогда?

– Что делать, – ответил Пузырев. – Я только одно знаю, что для этого нужно бы было сотвориться чуду. Он и теперь-то очень плох.

– Опять-таки, как бы слишком скорою кончиною не возбудить подозрения в страховом обществе? – заметил Иван Александрович. – Имей в виду, что тебя здесь будет свидетельствовать врач, и, когда получится удостоверение о смерти от чахотки, он прямо выскажет свое сомнение. К тому же сумма в шестьдесят тысяч все-таки довольно значительна, и общество попробует ее отстоять.

– Я все обдумал, – сказал Илья Максимович, – положишься во всем на меня. Бывают случаи скоротечной горловой болезни, от которой умирали колоссы в какой-нибудь месяц или полтора. А там, по приезде, я его не сразу докторам покажу. Ну, да что тут говорить! Верь мне, если я тебе доверяю. По рукам, что ли?

– По рукам, отчего же? Дело, кажется, верное. Ты страхуешься, полис передается в мою пользу, там, в Крыму, ты всячески всех от больного отклоняешь, а когда он умирает, берешь свидетельство о смерти, как бы ты сам умер, и возвращаешься сюда с его бумагами...

– Только не сюда, меня могли бы узнать и накрыть.

– Одним словом, ты продолжаешь уже далее существовать на свете под именем твоего умершего друга, и Илья Максимович Пузырев раз навсегда вычеркнут из списка живых. Затем ты передаешь мне свидетельство о кончине твоей, и я с полисом иду в страховое общество получить шестьдесят тысяч, которые мы с тобою братски делим пополам. Дело блестящее, и я от него не отказался бы, мой милый и дорогой товарищ, если бы сам я сейчас не был на пути к крупной и еще более безопасной наживе.

– Ты отказываешься?

– Наотрез.

Этого Пузырев всего менее ожидал. Он даже побледнел и отклонился от стола, на котором все время разговора почти лежал, облокотясь.

– Ты со мною не шути, – резко сказал он наконец.

– Я и не думаю шутить. Да погоди, – остановил его Хмуров, видя, что он хочет еще что-то сказать. – Как бы ни было чисто твое дело, в нем все-таки есть риск. В том же, что я теперь наметил, риску ровно никакого.

Но Пузырев обозлился.

Ему было досадно и то, что он все разболтал товарищу, но более еще досадовал он, как смел Хмуров действовать, и, по-видимому, действовать успешно, помимо него.

Он сверкнул глазами и сказал:

– Как бы в твоём, тобою самим намеченном, деле тебе не напортили.

– Кто это, не ты ли уж?

– Зачем мне? Найдутся, брат Иван Александрович, и другие, которым, если уж на то пошло, и поверят-то более, нежели мне.

При этих словах Пузырев упорно смотрел прямо в глаза товарищу, и тот в конце концов не выдержал резкого взгляда этих страшных глаз. Он опустил взор и спросил дрогнувшим голосом:

– Кто же это? О ком ты говоришь? Я не догадываюсь.

– А, ты не догадываешься, ты позабыл, слаба же у тебя память, мой друг! – прошипел, придвигаясь к нему снова, Пузырев. – Так я тебе напомним, кто может все разрушить разом, единым появлением своим.

Он выждал с добрую минуту и потом с расстановкою сказал:

– Ольга Аркадьевна в Москве и поклялась тебе за все отомстить. Понял?

VII. Кто ловче?

На этот раз Пузырев не ошибся: его давнишний товарищ и компаньон по преступной деятельности, красавец и смельчак Иван Александрович Хмуров, не на шутку встревожился и прямо-таки даже струсил. Он сильно побледнел и не скоро был в состоянии спросить:

– Откуда взял ты, что Ольга Аркадьевна в Москве?

– Я сам ее видел.

– Этого быть не может! – гневно воскликнул Хмуров, все еще надеясь, что товарищ его угрожает по-пустому.

– Мне шутить не приходится, – сдержанно ответил Пузырев. – Во-первых, твое участие в задуманном мною деле я считаю необходимым и, как видишь, после некоторого размышления, сам тебе об этом откровенно заявляю, а во-вторых, цели у меня никакой не может быть лгать.

– Ты просто меня запугиваешь.

– Пожалуй, да. Я и этого от тебя не скрою.

– Вот видишь?!

– Но позволь! Я действительно хотел тебя несколько пугнуть присутствием в Москве Ольги Аркадьевны, но при этом и не думал лгать. Я только хотел испытать тебя, а с другой стороны, мне нечего от тебя скрывать, что теперь, когда я знаю несомненно, почему ты так боишься ее появления на сцене, то, конечно, мне и задумываться не приходится в случае крайней надобности воспользоваться ее мстью, обратить ее острым оружием против твоего упрямства.

– Я никогда угрозам не подчинялся! – снова и столь же горячо, как прежде, воскликнул Хмуров.

– Угроза – пустое слово, – ответил, улыбаясь, Илья Максимович. – Почему же нам не поставить вопрос несколько иначе? Допустим, что упорным отказом твоим участвовать в задуманном мною деле ты захочешь мне доказать несостоятельность моего плана или, по крайней мере, опасность приведения его в исполнение. В таком случае и я, с моей стороны, захочу доказать тебе, что завязанный тобою роман с некоей Зинаидой Николаевной Мирковой еще менее безопасен и уже ни в каком случае к доброму концу привести тебя не может.

– Позволь, пожалуйста! – крайне возмущился Хмуров. – В том и другом случае решительно ничего нет общего.

– То есть как же это?

– Да если я не соглашаюсь почему-либо на твое предложение пойти в страховое общество за премией и даже не соблазняюсь дележом ее между нами обоими пополам, то ведь я не угрожаю тебе никакими доносами. Ты же, напротив, чтобы доказать мне несостоятельность моих личных планов, готов уже подсылать моих злейших врагов и сам мне мешать в моих действиях. Не знаю, как это, по-твоему, называется, а по-моему, да и на языке каждого понимающего вещи человека, это можно назвать только подлостью.

– Называй как хочешь, – все с прежнею сдержанностью сказал Пузырев. – Не в словах и не в наименованиях наших поступков дело. Ты со мною свел счеты только под влиянием угрозы, а стало быть, и сам-то не особенно честно до сего времени поступал...

– Я не имел денег, – сказал несколько застенчивее Хмуров.

– Не лги! – вскрикнул в свою очередь, теряя всякое терпение, Пузырев. – Ты сейчас сам проговорился и сознался, что все мои предположения относительно Мирковой совершенно справедливы.

Хмуров встал с места и с вызывающим видом спросил:

– А хотя бы и так?

– Больше мне ничего не нужно, – сказал Пузырев, стараясь снова овладеть собою.

– Нет, ты врешь! Ты переходишь со старым товарищем на поприще шантажа! Ты хуже сыщика проследил мою тайну и теперь хочешь запугать меня. Так знай же, что я не поддамся. Силою со мною ничего нельзя поделаться. Я против силы ставлю двойную. Я могу только подчиняться разумному выводу, и если на то пошло, так я лучше же и тебе, и себе разможу череп доброю револьверною пулею, нежели поддамся твоим глупым угрозам.

Он точно вырос еще более, и глаза его, красивые, черные и без того большие, метали искры: они словно искали чего-то на столе с письменным прибором и в беспорядке нагроможденной всякой всячиной...

Но собеседник ничуть не испугался. Совершенно хладнокровно он сказал:

– Успокойся. Попробуй хоть сколько-нибудь да успокойся и выслушай меня. Вся беда только и происходит от твоей беспримерной горячности.

– Ничего я больше слышать не хочу! – возвысил опять голос Хмуров. – Ты можешь делать что хочешь: можешь сам идти к Мирковой, можешь подослать к ней Ольгу Аркадьевну, но я тебе клянусь, что едва она узнает хоть одну черточку из моего прошлого, ни тебе, ни этой шпионке, служащей тебе оружием против меня, несдобровать!

– Мне нужно было главнейшим образом, – заговорил Пузырев, – услышать от тебя самого, что роман с madame Мирковой существует.

– Да, существует, но что ж из этого? Какое тебе-то до моих романов дело?

– Перестань горячиться и выслушай меня. Авось тогда хоть что-нибудь да поймешь.

– Я и так тебя ой-ой как хорошо понимаю и даже насквозь вижу.

– Не думаю. Тогда бы ты не говорил столько глупостей. Я хочу тебе только доказать, что твоя игра с какою-то госпожою Мирковой, в сущности, куда опаснее исполнения той роли, которую я тебе в моем деле предоставляю.

– Вот это интересно, – сказал насмешливо Хмуров и даже снова присел на свое прежнее место.

– Я тоже так полагаю и даже сейчас тебе это докажу, если только ты перестанешь наконец меня перебивать.

– Ну, говори.

– Я, конечно, не знаю, с какими именно ты делами приступил к Мирковой...

– Вот оно что!

– Ты обещал меня не перебивать. Смейся сколько хочешь, и если ты не сразу понимаешь мои слова, то это тебя самого плохо рекомендует. Я, конечно, не так наивен, чтобы не понимать главной твоей цели, которая, разумеется, в одних только деньгах и может заключаться. Но я желал бы знать, какого рода взаимность, если можно так выразиться, ты ей предложил.

– Какого рода взаимность! – передразнил его Иван Александрович. – Как это умно и тонко! Да какого рода взаимность можно предложить влюбленной женщине, – прибавил он фатовато, – как не особую нежность чувств.

– Да, но существуют два пути, – продолжал настаивать Пузырев. – Путь законный, то есть предложение руки и сердца, или же путь иной, с предложением одного только сердца.

Хмуров молчал и только иронически улыбался.

– Ты можешь сколько хочешь, – заговорил ему на это товарищ, – отмалчиваться и про себя посмеиваться надо мною, но я должен – слышишь ли – *должен*, а не просто только хочу доказать тебе, что в данном случае, то есть именно теперь, в твоём романе с Мирковой, ты играешь и при тех и при других условиях весьма опасную игру.

– Это как же?

– Оставим на время меня и мои личные планы совершенно в стороне, – заговорил еще более, нежели прежде, серьезным тоном Пузырев. – Вспомним только твоего главного и самого опасного врага, а именно Ольгу Аркадьевну. Ей, как женщине, ничего нет трудного прознать о твоей новой связи, и ты ее достаточно хорошо знаешь, чтобы не усомниться в ней: она, брат, не

задумавшись пойдет к Мирковой и откроет ей на тебя глаза, да представит такие доказательства, против которых никакие споры немыслимы, да и сомнения недопустимы. Стало быть, она тебе сразу все и испортит. Что же касается моего дела, то откуда бы ей, то есть той же Ольге Аркадьевне, о нем распознать? Держи ты себя только осторожно, и она будет продолжать выслеживать, да никогда в жизни не додумается до наших великих идей. Бабе только и близки к сердцу бабы дела, и только на поприще сердечного романа сумеет она тебе и повредить, и в самом деле отомстить.

Хмуров, видимо, хотел что-то сказать, но Пузырев остановил его.

– Подожди еще минутку, – сказал он, – я не кончил. Я хочу еще раз доказать тебе всю безопасность твоего участия в моем деле.

Он по-прежнему опять понизил голос и придвинулся поближе к Хмурову, когда продолжал:

– Григорий Павлович Страстин – чахоточный, о котором я тебе говорил, – болен безнадежно, и спасения ему никакого, ни при каком уходе быть не может. Но я твердо решил, не из суеверия, а просто из сознания необходимости, сотворить хоть одно доброе дело при массе зла, нами уже сотворенного: я твердо решил дать ему хоть пару месяцев, последних в жизни, насладиться относительным комфортом и, если возможно, насколько болезнь позволит, даже и спокойствием. Таким образом, я не хочу, чтобы смерть несчастного Страстина могла хотя когда-либо отозваться на моей совести даже малейшим укором.

– Ну хорошо, это совершенно понятно, да что же дальше? – нетерпеливо торопил его Хмуров.

– Когда я уже буду застрахован, то полис будет тебе передан мною с правом получения, в случае моей смерти, страховой премии со всеми требуемыми нотариальными формальностями. Только когда это будет в порядке, тронусь я в путь с моим больным. В Крыму, на новом, совершенно ни ему, ни мне незнакомом месте, я сумею без затруднения так поставить вопрос, будто бы он – Илья Максимович Пузырев, а я – Григорий Павлович Страстин. С этой целью я к нему никого допускать не буду, ходить безотлучно буду за ним сам и немедленно по приезде отдам в прописку наши виды на жительство. Тут тоже сомнения никакого возникнуть не может. Когда наступит время, я призову врача, которому расскажу с глазу на глаз целую историю о том, как вот здоровый человек, вследствие огромного горя, в два месяца быстротечно растаял. Рецепты же он будет все писать не при больном, а при мне и, конечно, на мое имя, а сигнатурки я буду прятать, так как и им, быть может, придется оказать тебе услугу в случае, если бы в обществе страхования вздумали заявить сомнение. Но затем, мало того, я буду еще все время писать тебе письма о моем якобы ужасном недуге, а в последних моих посланиях буду говорить, что предчувствую возможность близкой смерти, а потому и поручаю тебе, в случае моей кончины, употребить полученную тобою из страхового общества премию на различные благотворительные дела по твоему личному усмотрению. Эти письма ты храни: они тебе тоже пригодятся.

Пузырев еще ближе придвинулся к Хмурову и совершенно понизил голос, когда продолжал:

– При наступлении окончательной развязки я немедленно выправлю свидетельство о смерти с обозначением болезни, скоротечной чахотки, от врача и свидетельство о предании земле от духовенства, но устрою дело таким образом, что бумаги эти ты получишь уже не от меня, а от тех хозяев квартиры, к которым ты же обратишься якобы обеспокоенный продолжительным молчанием от друга твоего. При таких условиях никакой решительной опасности быть не может – для тебя, по крайней мере. Я же всем заявляю, что, убитый горем потери дорогого друга, я еду за границу, и в самом деле немедля после похорон выеду в Вену, где и буду тебя ждать.

Наступило молчанье. Первым, однако, нарушил его Пузырев.

– Ты видишь, – спросил он, – как, в сущности, дело просто? Но бойся баб, ибо это самая опасная игра в твоём положении. Я же тебе ручаюсь, что со мною ты никогда не погибнешь, только слушайся меня. Вспомни, – прибавил он вкрадчиво, – то время, пока ты со мною не вздумал плутовать, дела наши шли хорошо и ты до сего времени и цел и невредим. Брось свою Миркову – ещё есть время – и возьмись за дело, в котором тебе потому уже Ольга Аркадьевна повредить не может, что оно недоступно её разуму.

Иван Александрович совершенно изменился под влиянием этой речи.

– Да, – сказал он, – я теперь и сам вижу, что ты прав. Но бросить Миркову я не хочу, я зашёл с нею уже чересчур далеко, и не она у меня, а я у неё в руках.

По своей вспыльчивой натуре и комплекции сангвиника Хмуров сильно и скоро вспыхивал в гневе по временам, но и остывал быстро. Чувствуя себя почему-то в руках своего товарища, он вдруг совсем поддался ему и все ему чистосердечно и рассказал.

Тому только этого и было нужно. Он выслушал его до конца и потом решился вдруг нанести ему крайний удар.

– Как же! После этого ты хочешь, чтобы все обошлось благополучно? – воскликнул он. – Ведь Ольга Аркадьевна уж знает о твоей связи с Мирковой и, наверное, готовит и ей, и тебе хороший сюрприз.

Хмуров совершенно растерялся. Он был едва в силах спросить:

– То есть как?

– Да ведь я от неё и узнал про существование Зинаиды Николаевны Мирковой! – не задумываясь, окончил свою фразу Пузырев.

– От неё? – переспросил Хмуров.

– Ну да, конечно, а то от кого же другого?

Недоставало бы только, чтобы вошёл в комнату номерной Матвей Герасимов, но Пузырев знал, что дверь на замке, да и его-то он уж совсем не боялся.

– Так как же спастись? – в отчаянии и перепуге спросил Иван Александрович.

– Скажи мне сперва по чистой совести, – не без некоторой торжественности спросил его Пузырев, – сознаешь ли ты теперь сам, без малейшего давления с моей стороны, что тебе куда выгоднее все порвать с Мирковой и следовать за мною, куда я тебя поведу, нежели...

– Да, конечно, сознаю, но что делать, ведь если эта Ольга знает в самом деле о моей связи с Мирковой – все пропало.

– Ну нет, ещё не все. Дай слово слепо верить мне, и я тебя научу, как действовать.

– Даю слово. Изволь!

VIII. Другой лагерь

Пузыреву только и нужно было согласие своего товарища по преступной деятельности на участие в деле страховки, чтобы совершенно успокоиться. Что же касается его обещания научить, как действовать, то особых для себя затруднений он в этом не встречал, так как прежде всего вся история о появлении в Москве какой-то Ольги Аркадьевны, мести которой Хмуров столь сильно опасался, являлась чистейшим вымыслом с его стороны.

Пока их переговоры шли дальше и в этот же вечер ими было приступлено к точной постановке или, вернее сказать, к распределению взаимных ролей по предстоящему делу, кружок москвичей, в который сумел ловко и нахально втереться Иван Александрович Хмуров, немало интересовался слухами о его победе неприступного сердца Зинаиды Николаевны Мирковой.

Нельзя было бы сказать, чтобы кружок этот был составлен из серьезных лиц.

Напротив, в нем вращались только люди, смотрящие на жизнь с удивительно легкомысленной точки зрения и посвящающие ее всецело кутежам, развлечениям и веселью.

Эти эпикурейцы новейшей формации не признавали домашнего очага с его тихими, но прочными радостями, а переходили из ресторана в ресторан, из клуба в оперетку или цирк, а оттуда в загородные и иные увеселительные заведения.

Залы «Славянского базара», «Эрмитажа», «Яра» и зимний сад «Стрельны» составляли, так сказать, их салоны, где встречались они все с общими знакомыми и где заводили знакомства новые.

Разборчивости тут особенной и быть не могло. Доходило иной раз до смешного и почти невероятного.

Одного принимали за умение одеваться на английский лад, другого за умение носить в глазу, с утра до ночи и никогда не вынимая, без снурка, монокль или одноглазки в тонкой черепаховой оправе.

Подобных аттестаций было совершенно достаточно для первого знакомства, а если вслед за тем оказывалось еще, что человек платил со всеми наравне по счету и никогда ни от какой глупой, пьяной фантазии не отказывался, то его вскоре провозглашали молодцом, милейшим малым, и все шло прекрасно.

Так было и с Иваном Александровичем Хмуровым, которому, в сущности говоря, еще легче оказалось войти в этот кружок, благодаря тому что знакомства приходилось только возобновлять: несколько лет перед тем, живя в Москве, он принадлежал к этому веселящемуся обществу и теперь застал в нем несколько новых лиц, но и много прежних.

К числу последних принадлежал Степан Федорович Савелов, тот именно господин, который в «Славянском базаре» сидел и завтракал с полковником и от которого Сергей Сергеевич Огрызков узнал, что Хмуров успел пробраться в дом к Мирковой.

Савелов сам по себе не был особенно богат, но в деньгах никогда не нуждался, по той простой причине, что при хороших средствах пользовался характером сильным и выдержанным настолько, чтобы через край никогда в денежных расходах своих не заходить.

Подспорьем к его силе воли являлось подмосковное имение, куда он выезжал даже и зимою, едва только финансы его истощались.

Видя чуть не каждый год, как позорно сходили с арены веселия и прожигания жизни разоренные до последнего рубля глупцы, Степан Федорович был осторожен.

К тому же, кроме денег, щадил он и здоровье свое. Словом, то был редкий в этом кружке практичный тип, умеющий, как говорит поговорка, таким образом дело вести, чтобы и волки сыты были, и овцы целы – если, конечно, говорить только о его личных овцах.

Но при этом Савелов лучше всех остальных в кружке московских кутил сохранил способность наблюдения за творимым вокруг и способность оценки отдельных личностей, составивших его общество.

Он давно распознал в Хмурове смелого и наглого авантюриста.

Понятно, вследствие этого уже одного, являлась его антипатия к Ивану Александровичу, выражавшаяся в чрезвычайной и вполне последнему из них заметной холодности отношений.

Но, помимо этого, существовала еще и другая причина, причина серьезная и стоящая в прямой зависимости с первой.

Вскоре по возвращении своем в Москву стал Хмуров, все время словно высматривавший себе добычу, устремляться на поиски богатой женщины.

Он не скрывал ни от кого, что желал бы жениться на деньгах, и никто, не зная о давно уже состоявшемся его законном браке, ничего тут особенного не находил.

Один только Савелов сразу как-то еще более враждебно отнесся к нему, предчувствуя возможность с его стороны направить свои взоры именно в ту сторону, куда бы ему, Степану Федоровичу, это отнюдь не было желательно.

Так оно и случилось.

Зинаида Николаевна Миркова, дом которой был редкому из холостежи доступен, кроме особо званых вечеров, стала принимать у себя с глазу на глаз этого профессионального искателя богатых женщин, и с этого часа Савелов возненавидел Хмурова до глубины души.

С точностью было бы еще трудно определить, на чем именно основывалась эта ненависть?

Быть может, Савелов сам для себя имел на Миркову виды и не без затаенной цели снимал квартиру в ее доме?.. Быть может, и просто, считая себя за человека честного, он глубоко возмущался, как этот проходимец какой-то, без личного, собственного состояния, увлечет вдруг эту женщину с единственной, конечно, целью воспользоваться ее богатством?

Но так ли, иначе ли – Савелов про себя решил и даже открылся своему приятелю полковнику, что долгом порядочного человека было бы открыть Мирковой глаза на гуся, которому она напрасно доверяет.

Оставалось только решить, каким путем это сделать и какими данными воспользоваться, чтобы доказать ей несомненно все ее заблуждения.

Когда Савелов увидал издали, как Хмуров наскоро простился с Огрызковым и вышел из зала ресторана, он долго еще смотрел ему вслед и потом сказал полковнику:

– Современный Рокамболь, да и только, этот барин.

– Ну, до Рокамболя еще очень далеко, – ответил лениво собеседник, несколько отяжелев от еды.

– Не говори, – протестовал Савелов. – Я готов об заклад биться, что на его совести достаточно всякой мерзости для получения права переселения в места не столь отдаленные...

– И на казенный счет, – заключил полковник.

В это время к ним подошел расплатившийся по счету Огрызков и, поздоровавшись, присел к их столу.

– Сейчас завтракал со мною Хмуров, – сказал он. – Вот молодчик! Я его расспрашивать стал про то, что ты мне, Савелов, говорил, так он сперва было отнекиваться стал, а потом живехонько сознался, что вскоре это дело ни для кого не будет секретным.

– То есть какое же это дело? – переспросил Савелов, несколько бледнея. – Женильба его, что ли?

– Конечно, женильба на Мирковой. Я его от души поздравил...

– Не поспешил ли ты немножко? – вырвалось у Савелова в таком злобном тоне, что даже добродушный Огрызков обратил на это внимание.

– Понять не могу, – сказал он, – почему ты Хмурова так ненавидишь?! Человек он милейший, остроумный, в обществе всегда веселый, умеет жить, выпить тоже не дурак...

– Кто говорит... – протянул Савелов с нескрываемой иронией.

– К тому же в денежных расчетах с товарищами он всегда аккуратен! – продолжал Сергей Сергеевич, будто ничего не замечая.

– Неужели?..

– Уж в этом-то отношении позволь мне за него заступиться! – еще настойчивее ответил Огрызков. – Он и у меня взял сто рублей, а как только получил за хлеб из деревни, сейчас же сам приехал и отдал.

– Еще других каких доблестей за ним ты не знаешь?

Огрызков, в общем всегда крайне добродушный, чуть не рассердился. Он буркнул как-то угрюмее:

– Нет, знаю.

– А например?

– Хотя бы ту доблесть, что Хмуров никогда ни о ком дурно не отзывался и ко всем решительно относится, как в глаза, так и за глаза, одинаково хорошо.

Савелов помолчал немного и потом наставительно сказал:

– Эх, господа, господа! В том-то и беда, что таких людей, как вы, всегда очень легко расположить в свою сторону всякому ловкому проходимцу.

– Напрасно ты так думаешь.

– Нет, не напрасно, – горячее прежнего продолжал Савелов. – Чего вы от ваших новых знакомых требуете? Каких данных? Каких рекомендаций? По-вашему, человек любезнейший, остроумный, в обществе всегда веселый, умеющий, что называется, жить и выпить не дурак уже является чуть ли не находкой для нашего кружка?

– А по-твоему, что же?

Полковник, все время до сих пор молчавший, счел нужным вмешаться в разговор.

– Я тебе все-таки, Степа, одно замечу, – сказал он, обращаясь преимущественно к Савелову, – без прямых и неопровержимых данных тоже ведь нельзя порочить человека.

– Человека, который, не имея за душою ни гроша, – строго ответил Степан Федорович, – ни родового, ни благоприобретенного, который притом нигде не служит, ничем решительно не занимается, подобного человека, коль скоро он втирается в круг богатых и обеспеченных людей, нельзя не заподозрить. К нему надо относиться осторожно. А если кто из наших общих знакомых осторожность эту забывает, то на нашей обязанности лежит им об этом напомнить.

– Во-первых, у него есть имение, – сказал Огрызков.

– Интересно бы знать, в какой губернии? – с еще большею иронией, нежели прежде, спросил Савелов.

– В Тамбовской.

– Хлебородная черноземная губерния! Сумел выбрать где! Ну, это еще подлежит проверке.

– Ты хочешь дознание, кажется, производить? – в свою очередь сыронизировал Огрызков.

– Я хочу тебе только доказать, что ты заступаешься за наглого лгуна.

– Да к чему это?

– К тому, чтобы тебе глаза открыть. Пора тебе узнать.

– Ничего я знать не хочу! Никакого мне ровно нет дела ни до его имений, ни до его нравственности. Все-то мы больно уж нравственные люди, что так вот можем беспощадно других судить. А вот женится Хмуров на Мирковой, миллиончики к рукам приберет, так какой еще высокопочтенный и глубокоуважаемый барин станет.

Савелов только рукой махнул. Он хотел было еще что-то сказать, но раздумал и, протягиваясь к поданной бутылке с коньяком финьяшампань, только спросил:

– Хочешь?

– Да, пожалуй, только тогда уже и кофейку надо. Человек, поди сюда. Принеси кофе черного, еще рюмку для коньяку.

– Слушаю-с.

Разговор принял иное направление. Заговорили о других общих интересах.

Ресторанный зал пустел, так как время завтраков уже прошло, а обеденное еще не наступило. Только за редкими столиками сидели все больше случайные посетители «Славянского базара» или проезжающие да засиживалась компания трех жуиров.

Рюмку за рюмкою попивали добрый коньячок Мартеля V. S. O. Кто-то предложил перейти к ликеру «Кохинор»...

Было около пяти, когда компания опомнилась, что так за завтраком засиживаться нельзя.

– Да куда же нам спешить? Не все ли равно? – спросил полковник, по-видимому и здесь себя чувствовавший прекрасно.

– Теперь пять, – сказал Огрызков, взглянув на свой массивный золотой хронометр. – Знаете что, господа? Поедемте к Марфе Николаевне.

– Что там делать? – спросил неохотно Савелов.

– Какая это такая? – спросил заинтересованный полковник.

– Точно ты не знаешь! Солистка русского хора.

– Ах, эта! Да, знаю. Но что же мы там делать будем? – повторил тот же вопрос полковник.

Огрызков слегка запел:

– «Пить будем и гулять будем, а коль сон придет, так и спать будем!»

Все рассмеялись.

– Нет, кроме шуток? – допытывался все дальше полковник.

– Она милая женщина, – пояснил ему Огрызков, – и с нею возможны чисто приятельские, хорошие отношения. Потом, у нее никогда скучно не бывает.

– Да застанем ли мы ее дома? Вот вопрос.

– После пяти всегда. До пяти она просит к ней не приезжать, а после – сколько угодно. Она нам споет что-нибудь. Да мы у нее, наверное, еще двух-трех подруг застанем и сами можем свой маленький хор устроить.

– Это идея!

– А как же насчет нашего вчерашнего решения? – спросил вдруг Савелов, обращаясь к полковнику.

Тот улыбнулся и сказал:

– Ничего не значит.

– Да в чем дело? – спросил в свою очередь заинтересованный Огрызков.

– Мы, видишь ли, – пояснил ему полковник, – решили вчера учредить новое общество.

– Какое общество?

– Общество, или, вернее сказать, клуб под названием «Благоразумная расточительность и относительная трезвость».

– Как, как?

Полковнику пришлось повторить. Огрызков хохотал от новинки и был в восторге.

– Ну, там и трезвость относительная, – сказал он, – и расточительность может быть благоразумною.

IX. Планы Савелова

Марфа Николаевна была солисткою русского хора и пользовалась особым расположением одного богатого семейного старичка, который к ней мог заезжать только до пяти часов дня, то есть в такое время, когда находился ему предлог вообще бывать в городе.

Тем не менее ходили слухи, что денег для предмета своих ухаживаний он не жалел и давал ей не только раз навсегда аккуратно выплачиваемую ежемесячную пенсию в количестве пятисот рублей, но еще и не отказывал в подарках.

Занимала она целый домик-особняк в переулочке, прилегающем к людной улице, и жила, ни в чем себе не отказывая.

Когда к ней внезапно нагрянула компания, она сама вышла в переднюю и, увидав Огрызкова, которого знала уже давно за человека добродушного, приняла и друзей его очень весело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.